

Р. Авербух

ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ во ФРАНЦИИ в 1793-94 году

По протоколам заседаний Конвента и протоколам Революционного Трибунала

Вестник коммунистической академии. 1925. Кн.11. С.187-203.

Настоящая работа была представлена в качестве доклада в семинарии Н.М.Лукина. Здесь она печатается в значительно сокращенном виде.

Веб-публикация: редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения* ©
Орфография статьи приведена в современный вид, в том числе транскрипции имен собственных.

Проблема террора является одной из важных и интересных проблем французской революции. В настоящий момент эта проблема делается злободневной в виду оживления этого вопроса в белой эмигрантской печати. Зимой 1923 года вышла книга И.Левина «Эмиграция в эпоху французской революции», где много внимания уделено террору, совсем недавно вышла брошюра Олара, являющаяся переводом его речи, произнесенной на конгрессе ученых обществ в Париже и изданная там же русским книгоиздательством, под названием «Теория насилия и французская революция».

Настоящая статья не задается полемическими целями. В ее задачу входит только рассмотрение некоторых моментов французской революции, особенно острых в смысле усиления террора, а также анализ тех причин, которые вызывали это обострение террористической политики. Главной же и основной задачей статьи является попытка разрушить старую легенду, явившуюся чуть ли не вместе с первой книжкой о терроре французской революции и живущей еще до сих пор - легенду о том, что Революционный Трибунал разил, главным образом, мелкоту.

Но в статье о терроре трудно обойти молчанием книгу Олара «Теория насилия», поэтому нам придется уделить ей большое внимание особенно при рассмотрении вопроса о происхождении террора французской революции.

I. Происхождение террористического режима во Франции в 1793-94 году

Задачей данного краткого очерка является рассмотрение вопроса как разрешалась проблема террора в разбираемую нами эпоху. И в виду того, что Олар встал в этом вопросе совершенно на особую точку зрения, мы обратимся к ее рассмотрению и изложим содержание его брошюры «Теория насилия и французская революция».

Необходимо отметить полемический характер этой книги. Последнее обстоятельство выявляется уже из чтения предисловия, которым снабжена Теория насилия, принадлежащее перу прив.-доцента Миркина-Гецевича. Последний подчеркивает злободневность книги Олара. Маститый историк, - говорит Миркин-Гецевич, - задался определенной целью разрушить легенду, что французская революция создала теорию насилия и классовую диктатуру, на которую постоянно ссылаются большевики в Москве, в оправдание проводимого ими террора.

«Олар, - говорит Миркин-Гецевич, - произнес речь о той теории насилия, которую в Москве хотят подкрепить историческими примерами французского террора. Таким образом, речь знаменитого историка, являющегося вместе с тем идеологом французского демократизма, вырастает в некоторую программу. Олар заклеил насилье, главным образом, потому, что Москва, практикующая террор и насилье, пытается оправдать кровь Чека террором Конвента. Речь Олара поэтому, - говорит Гецевич, - приобретает для русского читателя особое современное, волнующее значение: ее тема, ее авторитетный автор, момент ее произнесения - все в ней злободневно и близко» (стр.10).

Таким образом, характер этой речи ясен. Это - политическая программа, как определяет ее Миркин-Гецевич. Нужно было уничтожить террор французской революции, для того, чтобы иметь возможность осудить Советскую власть. В этой речи Олар выступает больше как политический деятель, чем как историк. Поэтому нам кажутся неправильными все утверждения Миркина-Гецевича о том, что Олар, являясь общественным и политическим деятелем, в изучении революции - лишь ученый, следующий своим строго научным методам. В данном выступлении политический темперамент отвлекает его в сторону от объективного исследования, он вступает в полемику с защитниками террора. Факты освещаются Оларом тенденциозно с явным стремлением уничтожить насильственный характер некоторых моментов французской революции, так что в общем получается неправильная картина основных этапов революционной борьбы. И все это сделано для того, чтобы иметь возможность осудить современных русских революционеров, которые, по его выражению, не только возвеличили теорию насилия, но и применили ее к делу.

Каково же в существенном содержание брошюры Олара? Маститый исследователь отказывается видеть среди вождей французской революции идеологов насилия. «Если не считать, - пишет Олар, - пылких и быстро забытых - аббата Ру, Варле, Леклера, чьи призывы к насилию в Париже, во время террора, имели некоторую видимость системы, - среди влиятельных революционеров одному лишь Марату можно, по-моему, приписать известную теорию насилия. Но в этом смысле Марат был одиноким: в Конвенте не было маратистов (стр.18). Еще менее был теоретиком террора и диктатуры Дантон. Никто не был человечнее ни сердцем ни разумом Дантона, который столь жестоко громил аристократов и, громя, в то же время спас столько голов» (стр.35). «Насилие и диктатура, - пишет далее Олар, - эти два явления неразрывно связаны между собой, и если насилие может быть плодотворным, то лишь во имя или путем диктатуры - диктатуры личности, либо диктатуры группы, класса. И вот, если во французской революции и были насилия, если эта революция привела в конце концов к диктатуре, самая теория насилия и диктатуры была, повторяю, чужда и духу революции и ее вождям» (стр.20).

Для обоснования этого положения Олар дает краткий очерк нараставших и сменивших друг друга фазисов борьбы от созыва Генеральных Штатов до Наполеона. В 1789 году французы нигде не выражают призывов к насилию. Наказы не говорят о короле иначе, как с уважением, с верностью, с любовью и доверием. Отмечая особо мирный характер эпохи деятельности Национального Собрания и также мирную обстановку работ Законодательного Собрания, Олар приступает, наконец, к обрисовке эпохи террора. «Взгляд на террор, как на последствие войны, так часто развивался, что мне здесь незачем настаивать на нем, - пишет Олар. - Мне хотелось бы лишь отметить, что в нашей революции постоянно, даже в моменты проявления самой грубой жестокости, жил дух законности» (стр.31). «Отдельные акты насилия, - говорит далее Олар, - если они и существовали, не создали ничего ценного. Все законы общего характера были проведены без всякого давления улицы. Провозглашение республики 22-го сентября 92 года, это крупное политическое событие, прошло среди полного спокойствия населения, почти в молчании» (стр.32). Говоря о террористических мероприятиях Конвента для обеспечения военной победы, Олар утверждает, что «Конвент все же не поставил террор в порядок дня, как от него требовала Коммуна, и даже уничтожил крайних или считавшихся такими, как Эбера и его друзей. И едва лишь была достигнута военная победа, едва лишь была обеспечена национальная охрана, Конвент сбросил Робеспьера, символ насилия и террора. Впрочем, Робеспьер, гильотинированный, как террорист, - говорит Олар, - никогда не хочет сделать насилие ни системой, ни даже режимом. Это был, как почти все эти революционеры, юрист. Девятого термидора у городской ратуши, в очаге восстания, готовившегося против Конвента, Робеспьеру подали перо, чтобы он подписал призыв к восстанию. Это было единственным средством спасти свою голову. Но Робеспьер не пожелал подписать этого призыва к восстанию. Общая воля оказалась сильнее воли Робеспьера» (стр.35).

Итак, Олар в своей брошюре выставляет следующие положения:

- 1) Теория насилия, а также теория диктатуры были чужды духу революции и ее вождям,
- 2) Террор французской революции определяется только войной и является последствием войны,
- 3) Неорганизованного террора во Французской революции не было, и все законы общего характера были приняты без всякого давления улицы,
- 4) Конвент никогда не ставил террор в порядке дня,
- 5) Диктатура Робеспьера была сброшена вследствие того, что была достигнута военная победа.

В дальнейшем мы дадим краткий очерк создания организованного террора, вотирования террористических мероприятий, при чем будем следить, по возможности, за теми причинами и влияниями, которые определили необходимость этих террористических мер. Будем также отмечать выступления наиболее видных деятелей французской революции по вопросу о терроре и выявлять их взгляды на этот вопрос*). На основании протоколов Конвента мы постараемся прежде всего доказать, что, вопреки утверждениям Олара, вожди французской революции выявили вполне определенное отношение к террору и рассматривают его, как могущественное средство революционной борьбы

Остановимся прежде всего на таком остром моменте революционной борьбы, как февраль и март 93 года. Этот момент знаменателен в истории террора. В эту эпоху издаются первые террористические мероприятия, организуется Революционный Трибунал. В этот же момент ярко выявляют свои взгляды на террор такие видные деятели революционной эпохи, как Марат и Дантон. Проследим историю создания Революционного Трибунала. Положение республики становится критическим из-за военных неудач. В этот момент война является одной из главных причин усиления террора. Но далеко не так непосредственно, как это изображено у Олара. Война создает такую обстановку, в которой легче всего выявляется недовольство народных масс, оказывающее давление на власть в сторону усиления террора.

Так, по крайней мере, происходит в описываемый нами момент. Вокруг Франции смыкается железное кольцо коалиции. Против нее направляются силы пруссаков, австрийцев, испанцев. К тому же Франция наминает испытывать торгово-промышленный кризис. Война изолировала ее от рынков, прекратилось снабжение Франции сырьем. Целый ряд предприятий оказывается закрытым. Растет безработица. Усиливаемся дороговизна предметов первой необходимости. Все эти обстоятельства определили один факт огромной важности: тяжелое положение широких масс городской бедноты. В собраниях парижских секций и городском совете не замолкали жалобы на нищету, царившую среди низших слоев населения; небольшие толпы, состоящие главным образом из женщин, уже несколько раз делали попытки разгрома пекарен. 25-го февраля в Париже происходит погром булочных и бакалейных лавок, толпа растаскивает товары и подвергает угрозам лавочников. [Из № 190 газеты «Парижские Революции» о голодных беспорядках 25 февраля 1793 г.] Марат отзывается на это движение, и на страницах «Друга Народа» появляются его статьи, в которых он обвиняет во всем происшедшем капиталистов и крупных собственников. «Не подлежит спору, - пишет Марат, - что капиталисты, маклера, монополисты, продавцы предметов роскоши, шайка крючкотворов, бюрократы и бывшие дворяне - все они почти сплошь опора старого строя. Так как я не вижу никакого способа изменить их разумение, то я не нахожу других средств, способных обеспечить спокойствие государства, как совершенное уничтожение этих достойных проклятия заговорщиков. Теперь они удваивают свои усилия, чтобы превосходящими всякую меру ценами ввергнуть народ в голод и нищету.

Нация, измученная постоянными происками, все еще никак не возьмется за то, чтобы очистить свободную землю от этой преступной породы, а жизнерадостные представители нации прямо поощряют подобные преступления, гарантируя для них безнаказанность. В виду этого остается только дивиться, как это народ в каждом городе, доведенный до отчаяния, не возьмет свое право своей собственной рукой. Во всякой стране, где права народа не являются пустыми фразами, простым бумажным украшением, посредством разгрома нескольких лавок, на дверях которых повесили бы скупщиков, быстро бы был положен конец тем мошенническим манипуляциям, которые миллионы людей доводят до отчаяния и заставляют умирать от недостатка хлеба. Не пора ли, наконец, народным представителям сделать хоть что-нибудь побольше, а не предаваться пустой болтовне о тягостном положении, не принимая никаких мер к улучшению» («Друг Народа», газета от 25 февраля, цит. Кунов, стр.466-467).

Далее Марат требует создания особого суда, который бы расправился с заговорщиками. «Законодательные меры помощи бесполезны, - пишет он. - Мы никогда не видели, чтобы они приводили к результатам, помощь дадут только революционные средства. Я не знаю никакого лучшего способа, более приспособленного к нашей расслабленности, чем следующий: Комитету Общественной Безопасности, который составлен из патриотов, необходимо поручить расследование дела. Пусть он крупнейших хлебных спекулянтов предаст государственному суду, составленному из 5 членов, не возбуждающих никаких сомнений в своей честности, и пусть он возбудит против них перед этим судом обвинение в государственной измене» (Ib.). Марат здесь отчетливо выражает свое отношение к террору. В терроре он видит одно из сильнейших средств в борьбе с продовольственной разрухой. Но идеи Марата, выраженные в этом номере газеты, интересны еще и в другом отношении. Интересно та обстановка, в которой зародилась мысль о создании Революционного Трибунала. Она зародилась под шум разгромляемых лавок, в момент стихийного выступления городской бедноты

Мысль о необходимости создания особого суда для заговорщиков скоро сделаемся, опять-таки в значительной степени под давлением народных требований, предметом обсуждения в Конвенте.

В промежуток времени с 25 февраля по 8 марта, когда началась дискуссия в Конвенте по поводу организации Революционного Трибунала, происходили следующие события. Во Франции возникли контрреволюционные выступления в Лионе, Бордо и Дижоне; в начале марта началось восстание в Вандее. Кроме того Франция терпела ряд ударов на фронтах. Французы под натиском австрийцев должны были очистить левый берег Мааса, в это же время Дюмурье готовил свою измену.

В этот решительный момент, когда Франция была окружена со всех сторон опасностями, в Конвент был направлен целый ряд петиций с требованием принять меры для борьбы с врагами внутри страны. Петицию от Коммуны прочитал Шометт. Шометт сообщил о воинственном настроении масс, о том, что все молодые люди, служившие в разных бюро Коммуны, уходят в армию, что чрезвычайно успешно идет запись в добровольцы. «Но, - добавил он, - напряжение на фронтах обязывает Конвент к бдительности внутри страны. В то время, как одни будут защищать границы республики, другие должны строже блюсти законы. Мы уполномочены, - говорил далее Шометт, - просить Конвент об организации Революционного Трибунала. Пусть декретируют его основные принципы, мы будем на страже» (Mon.XV, № 70, стр.663). [Петиция 48 секций Парижа Национальному конвенту 12 февраля 1793 г.]

Вопрос об организации Революционного Трибунала поставлен был в порядок дня. В тот же день началось обсуждение проекта организации Революционного Трибунала.

8-го марта был первый день дискуссии в Конвенте об организации революционного суда. В этот день была выработана редакция первого проекта организации чрезвычайного уголовного суда, который будет судить всех заговорщиков.

На этом первом проекте (принадлеж. Лавассэру) и было оставлено все дело организации трибунала в этот день (Mon., XV, № 70, стр.666). Суд еще не был организован. Но в этот же день в Париже произошли события, которые заставили Конвент поторопиться с организацией чрезвычайного суда. [Обращение председателя секции Пуассоньер к представителям Национального Конвента, явившимся на заседание секции 8 марта 1793 г., Петиция секции Гравилье Национальному Конвенту 9 марта 1793 г.]

Об этих событиях мы узнаем из доклада Верньо, сделанного Конвенту, а также из сообщений Коммуны (Мон., XV, 668, № 70 и № 75, стр.702 и сл.).

«Бешеные», за которыми стояли парижские ремесленники и рабочие, заподозрили измену Дюмуре раньше, чем это стало известно правительству, обвинили жирондистов в близости их к изменнику-генералу, развили по этому поводу сильнейшую агитацию, в результате чего 9 марта, в 7 часов вечера, группа людей в 200 человек, вооруженных пистолетами и саблями, направилась в типографию Горса, взломала дверь и переломала печатные станки. На следующий день движение обнаружилось выступлением клуба кордельеров (в котором было сильно влияние бешеных) с резким обращением к Конвенту, требовавшим, чтобы коллегии выборщиков парижского департамента было предоставлено право отзыва всех неудобных ей членов Конвента (Мон., XV, № 75, стр.704). К этому движению присоединилась секция Четырех Наций, секция Французского Театра и секция Пуассоньер. Секция Четырех Наций в свою очередь проявила инициативу и обратилась ко всем секциям со следующим воззванием: «Хотите ли вы быть свободными, хотите ли вы спасти свою родину, уничтожьте в корне замыслы Дюмуре, изгоните из Конвента бриссотинцев, объявите, что предполагаемая организация Революционного суда является паллиативной и смехотворной мерой, ибо этот суд не посягает на врагов в самом Конвенте».

Кто же должен осуществлять террор по мнению выступивших? Это мы узнаем по отчету заседания секции Французского Театра: «Пусть комитетам секций будет дано право арестовывать граждан, которые кажутся им подозрительными, и пусть те же комитеты возьмут под защиту патриотов» (Mellie, стр.128).

Так движение, начавшееся за отзывание бриссотинцев, выявило также и свое отношение к террористическим мерам, осуществляемым Конвентом. Оно отразило недовольство ремесленников и рабочих, стоявших за бешеными, теми мерами, которые проектировались в Конвенте. Меры эти считаются недостаточными. Секции сами хотят взять на себя борьбу с подозрительными, требуют себе права арестовывать лиц, деятельность которых вредна для революции это движение, вызванное пропагандой «бешеных», вызвало сочувствие далеко не во всех секциях и отрицательное отношение со стороны всех якобинцев.

Монтаньяры выступают резко против устройства беспорядков называя выступления «бешеных» заговором с целью погубить свободу, а инициаторов движения называя «злодеями», «убийцами», подкупленными аристократией (М. XV. 693). Но как ни отрицательно было отношение депутатов к этому движению, оно определило некоторые мероприятия Конвента. Так, оно ускорило организацию Революционного Трибунала и обострило борьбу мнений в Конвенте по этому вопросу.

10-го марта обсуждение организации Революционного Трибунала принимает необычайно бурный характер. Жирондисты выступают резко против организации Революционного Трибунала, указывая, что организация суда будет свидетельствовать о развитии деспотизма, что Конвент, сосредоточивая в своих руках все власти, неминуемо придет к тирании (Бюзо). Но, несмотря на протесты Жиронды, предлагается новый, необычайно радикальный проект организации трибунала, проект, в котором отразилась острота момента, в связи с движением, происходившим в Париже. Это - проект организации суда без присяжных и без всяких гарантий. Принадлежит этот проект Лэнде, который указывает, что члены Чрезвычайного Суда не будут связаны никакими формами для производства следствия. Приговоры будут выноситься на основании убеждения судей. После бурной борьбы монтаньяров с жирондистами было решено внести некоторые поправки в этот проект, так, было решено включение присяжных в состав Революционного Суда. На этом обсуждение организации Трибунала и прекратилось было. Регламент суда еще не был выработан. На трибуну поднялся Дантон и произнес страстную речь в защиту организации Революционного Суда.

Эта речь Дантона знаменательна. Она показывает, что, вопреки утверждениям Олара, Дантон в известный период явился наиболее страстным защитником террора.

В вопросе организации Революционного Трибунала Дантон сыграл решительную роль. Это он воодушевил членов Конвента на решительные мероприятия. «Как, в настоящий момент, - говорил Дантон, - когда наши позиции так слабы, что в случае поражения Миранды Дюмуре принужден был сложить оружие, вы могли бы разойтись, не приняв требуемых общественным делом мер? Я знаю, почему вы не желаете мероприятия, которое наказывает контрреволюционеров, так как для вас необходим этот трибунал, это для вас этот трибунал будет заменять суд народной мести. Враги свободы бросают дерзкий вызов, повсюду измена, повсюду провокаторы. Обратитесь к гражданам в их хижинах, к ремесленникам в их мастерских и вы увидите, что большинство не за вами. Прислушайтесь к голосу народной мести. Человечество вас простит. Нет ничего труднее, как уничтожить политическое преступление, и тем более необходимы чрезвычайные законы, устрашающие преступника и уничтожающие виновных. Сохранение безопасности требует истребительных мер. Нет середины между обычными формами правосудия и Революционным Трибуналом. История оценит эту правду. В этом заседании часто обращались к тем кровавым дням, при воспоминании которых добрый гражданин содрогается (Дантон говорит о сентябрьских днях. - *P.A.*). Я говорю, что если бы тогда действовал Революционный Трибунал, народ, который так часто бесчеловечно упрекали, не пролил бы крови. Я говорю и в этом будут согласны все свидетели событий, что никакая человеческая власть не могла задержать в границах национальную месть. Исправим ошибки наших предшественников. Сделаем то, что не сделало Законодательное Собрание, будем истребительными, чтобы народ сам не был таковым. Создадим трибунал, не очень хороший, это невозможно, но по возможности наименее дурной, чтобы меч закона вознесся над головой всех его врагов. Будьте бдительны, - продолжает Дантон. - Вы отвечаете перед народом за нашу армию, за его кровь, за его ассигнации, так как, если поражение армии уменьшит еще их ценность, кто же может отвечать за исход злобы народной мести. Если в данный момент вы будете вооружены всеми необходимыми силами, сегодня же враг будет отброшен от ваших фронтов.

Я прошу, чтобы Революционный Трибунал был организован в это же заседание, чтобы исполнительная власть в ее новой организации получила то количество сил и энергии, которое ей необходимо, я прошу только ее реорганизации, только ее улучшения. Итак, в этот вечер организуйте трибунал, организуйте исполнительную власть, завтра двиньте ваши войска, пусть ваши эмиссары будут отправлены, пусть вся Франция поднимется, направится к армиям, пойдет на врага, пусть Голландия будет захвачена, пусть Бельгия будет освобождена, пусть промышленность Англии будет разрушена, пусть радуются друзья свободы, пусть наша армия повсюду победная несет народам освобождение и счастье, и пусть будет мир отомщен» (Мон., XV, стр.683, № 72).

Итак, создание Революционного Трибунала казалось Дантону неизбежным. Борьба с врагами внутри страны давала возможность победить внешних врагов, В речи Дантона особенно резко подчеркивалась необходимость создания организованного террора, проведение которого уничтожало возможность народных самосудов, какими, в сущности говоря, и были сентябрьские дни. Очевидно, движение 9-го марта, сопровождавшееся разгромом типографий, создало напряженное настроение и усилило угрозу неорганизованного выступления городской бедноты.

Дантон увлекает собрание, собрание решает утвердить регламент Революционного Трибунала. Вопрос об организации Революционного Суда был разрешен. В Париже будет учрежден и Чрезвычайный Уголовный Суд, который будет ведать все антиреволюционные поступки. Приговоры будут приводиться в исполнение без обращения в кассационный суд. Выбор наказаний будет предоставлен усмотрению Революционного Трибунала. [Декрет 10 марта 1793 г. об учреждении Революционного Трибунала]

Какое заключение можно сделать из рассмотрения истории возникновения Революционного Трибунала? Организация Революционного Трибунала происходила под определенным давлением народных масс. Желая идти согласованно с требованием последних, Конвент поставил организацию Революционного Трибунала в порядок дня и начал обсуждение различных проектов его установления. Попытки некоторых секций самостоятельно организовать революционный суд, выявившиеся в движении бешеных 9-11 марта, были угрозой самочинных выступлений и заставили Конвент поторопиться с изданием регламента о Революционном Трибунале. Но история организации Революционного Трибунала выявила также взгляды на террор вождей революции Марата и Дантона. Особенно интересны взгляды Дантона по этому вопросу. По мнению последнего, создание органа для проведения террора имеет самое решающее значение для судьбы Франции. «Человечность разума и сердца» Дантона молчит перед требованиями суровой необходимости.

После издания декрета об организации Революционного Трибунала начинается настоящая горячка создания террористических актов. Все увеличивается количество дел, которые попадают в ведение Революционного Трибунала, увеличивается также категория лиц, объявлявшихся вне законов. Террор в эту эпоху направляется, пивным образом, против дворянства и духовенства. В издании многочисленных законов, направлявшихся против этих лиц, принимает участие опять-таки Дантон. Олар говорит, что Дантон громил аристократов, но он не говорит о том, что в борьбе с дворянской) контрреволюцией Дантон занимает особое место.

Когда в конце марта в Конвент стали поступать известия, что в провинциях не выполняются приказания Конвента и комиссары подвергаются оскорблениям на улицах и площадях, Дантон выступает на защиту самых решительных мер в борьбе с контрреволюционными выступлениями. «Необходимо, - говорит Дантон, - чтобы Конвент сделался действительно революционным органом. Необходимо, чтобы Конвент консолидировал свои действия с народом. Как, гражданская война, во всех частях Франции, а Конвент бездейственен! Революционный Трибунал декретирован, тот трибунал, который должен карать революционеров, и он еще не действует! Что должен сказать народ, как не то, что он должен поднять восстание. Он должен, он это чувствует, он скажет: слабость обуяла наших представителей, а между тем контрреволюция убивает свободу. Вы не выполняете своего долга. Вы говорите, что народ заблуждается, но почему вы удаляетесь от народа? Революция должна быть консолидирована с народом» (заседание 27/III, Мон., XV, № 87, стр.807). «Народ в революции, как металл, кующийся в огне испытаний. Статуя свободы еще не создана. Этот металл разгорячен. Если вы не приготовите горн, то вы будете сами сожжены. Необходимо немедленно вооружить весь народ. Необходимо объявить вне закона всех, сочувствующих контрреволюции. Итак, до тех пор, пока на улицах, в общественных местах оскорбляются патриоты, пока в театрах аплодируют репликам, которые несут несчастье родине, нужно дать пример доблести и силы моей родине. Я требую, чтобы каждый гражданин имел меч наготове. Я требую, чтобы Чрезвычайный Трибунал проявил достаточную энергию, я требую, чтобы Конвент оповестил весь французский народ, Европу, мир, что он революционное учреждение. Я обращаю вас к тем, кто с необходимостью вами управляет. Приблизьтесь к народу. Пусть каждый, в ком есть искра стремления к свободе, пусть приблизится к народу. Ведь готовили же гибель для революции августовские дни, но народ захотел - и враг был побежден. И в настоящий момент усилиями народа Франция может восстановить свои силы, сделаться снова победительницей и заставить деспотов раскататься в своих эфемерных победах» (Мон., XV, № 87, стр.807-808).

Результатом речи Дантона было принятие целого ряда репрессивных мер. Было принято объявление беспощадной борьбы с аристократами и со всеми врагами революции, они объявляются вне закона. Было принято решение, чтобы Революционный Трибунал, организованный 10-го марта, приступил к своей работе. В этих речах Дантона террор рассматривается как могущественное средство революционной борьбы. [Террор в порядке дня - подборка документов]

Мы остановились подробно на моменте организации Революционного Трибунала и на нескольких законах против дворян, потому что как обстановка создания этих законов, так и причина, их вызвавшая, во многих отношениях типична. И органы революционного правительства (каким был Революционный Трибунал) и различные мероприятия, разившие мечом закона контрреволюционные действия, создавались в моменты наиболее напряженной борьбы с европейской коалицией и с внутренней контрреволюцией. Очень важно здесь отметить, что на создание различных террористических законов оказывали влияние различные движения, то и дело вспыхивающие в Париже и в окрестностях на почве продовольственного затруднения; к голосу этих движений прислушивались. Возрание голодных масс городской бедноты, что террором можно уничтожить и контрреволюцию и голод, передавалось в законодательный орган, каким был Конвент, и оказывало свое влияние на возрание наиболее видных деятелей французской революции. В эту эпоху наиболее решительным защитником террористических мероприятий является Дантон. Но весной 1793 году опасность от контрреволюции была еще очень сильна, может быть, сильнее опасности голода; вот почему наибольшее количество декретов властью издается против дворянства и духовенства, против тех, кто так настойчиво боролся за сохранение старого порядка.

Но вскоре власть станет лицом к лицу с необходимостью разрешить вопрос о продовольственном затруднении. В первый момент она встанет на путь террора, и тогда террор будет фактически поставлен в порядок дня. Мы рассмотрим события осени 1793 года, когда Республика была на краю гибели. Состав Конвента был в значительной степени уже измененным в сравнении с весной того же года. С помощью 2-х восстаний 31/V и 2/VI народные массы добиваются очищения Конвента от жирондистских элементов. Управление Республикой переходит теперь к якобинцам с Робеспьером во главе, опиравшимся на городское мещанство. Эта власть оставалась неизменной до термидорианских дней. Осенью 1793 года продовольственный и финансовый кризисы возросли еще в большей степени. Единственный финансовый ресурс страны - это ассигнации, распространявшиеся в кассовом количестве во Франции. С увеличением выпуска ассигнации ценность их неудержимо падает. Ценность бумажных денег к осени 1793 года пала на 80%. Продовольственный кризис всей тяжестью ложится на плечи неимущих элементов парижского населения, больше всего терпела от этого городская беднота, ремесленники и рабочие, одновременно страдая от безработицы и дороговизны. Все чаще вспыхивают движения на почве дороговизны в Париже и в предместьях, иногда они становятся грозными. Особенно важно подчеркнуть значение движения 4-го сентября, ибо оно определило характер заседания 5-го сентября, выработавшего ряд террористических мер.

В этот день, в 5 часов, рабочие были вызваны из мастерских (по протоколам Коммуны, это были, главным образом, каменщики) и на бульварах и около дома военного министерства образовали многолюдные группы: народ требовал хлеба. Толпа возле дома Коммуны строила бюро, составила петицию и отправила депутацию в муниципалитет. Главою этого движения сделался Шометт. Он вел переговоры между восставшими и Конвентом. Он же предложил восставшим просить у Конвента, чтобы он декретировал организацию революционной армии, которая бы направилась в деревню и доставила бы зерно в Париж, кроме того, остановила бы губительные махинации эгоистов и направила бы на них меч закона (Мон., XVII, № 250, стр.518).

Предложения Шометта были приняты восставшими. Было решено направить адрес Конвенту и требовать немедленного установления революционной армии, которая боролась бы с продовольственной разрухой, боролась бы с эгоизмом богатых и скупщиков.

На следующий день, 5-го сентября, происходит бурное заседание Конвента, на котором утверждаются самые решительные террористические меры, не без влияния требований и петиций, направленных и Конвент, как участниками выше обрисованного движения, так и солидарным с ними секциями. Оно открылось докладом Мерлена (из Дуэ), сводящемуся к предложению, чтобы революционному суду представлялась возможность творить суд с большей быстротой. Для этого Мерлен предлагал разбить Трибунал на 4 отдела, увеличить количество судей и присяжных. Мера эта была сейчас же декретирована (Мон., XVII, № 249, стр.575).

На заседание появляется депутация от Коммуны с петицией и с требованием организации революционной армии, а также представители, от 4 секций: Шометт читает свой адрес, составленный представителями Коммуны совместно с рабочими и ремесленниками, участвовавшими во вчерашнем наступлении на Коммуну. Петиция Шометта говорит, что единственные виновники переживаемого голода - это богачи и скупщики. Единственный метод борьбы с богачами, - это террор. «Новые господа, - говорит Шометт, - не менее ужасные, не менее жадные, поднялись на развалинах феодализма. Они захватили собственность, принадлежащую их старым господам, и продолжают двигаться по пути, проложенному преступлениями. Они овладели предметами первой необходимости Вы нанесли им удар, но только оглушили их, и в тени даже закона они продолжают свои преступления Вы создали мудрые законы, они обещают благополучие, но они не выполняются, потому что исполнительная власть отсутствует, и если вы ее сейчас же не создадите, они рискуют быть уничтоженными немедленно после своего возникновения. Враги народа, со словами свободы на устах, останавливают движение жизни. Несмотря на ваши благодетельные законы, они закрывают житницы, они холодно подсчитывают, какой дохой принесет им неурожай, восстание или бойня. Вы передаете административным управлениям ключи от житниц и адскую счетную книгу этих чудовищ. Но где та сильная рука, которая повернет этот фатальный для изменников ключ? Где то благородное существо, недоступное и непоколебимое для всех родов интриги и подкупа, которая разорвет листки этой книги, записанные кровью, и которая нанесет смерть душителям». Он сурово осуждает нерешительность Конвента в борьбе с этими пресмыкающимися

«Настало время, законодатели, прекратить нечестивую борьбу, которая продолжается с 1789 г. между детьми нации и теми, кто их покинул. Гора, будь для Франции Синаем. Довольно милосердия, мы должны уничтожить их, или они уничтожат нас. Положим между нами и ими барьер вечности. Настал день суда и гнева. Пусть сформируется революционная армия, пусть она ходит дозором по департаментам, пусть она усиливается всеми людьми, желающими единой и нераздельной республики. Пусть за этой армией последует неподкупный и непоколебимый трибунал и орудие, одним ударом пресекающее заговоры, пусть на ее знаменах будет начертано: «Мир людям Доброй воли, война устроителям голодовки, покровительство слабым, война тиранам, справедливость и отсутствие угнетения» (Мон. XVII, № 250, стр.521). [Из отчета о заседании Парижской коммуны 4 сентября 1793 г., Выступление парижского мэра и прокурора Коммуны в заседании Национального конвента 5 сентября 1793 г.]

То впечатление, которое производит эта речь на Конвент, и энтузиазм, с которой она была выслушана и принята, показывают, что в Конвенте еще живы были впечатления происшедшего накануне заседания

Наряду с требованием и адресом Шометта выступают представители от 48 секций Парижа и якобинского клуба. Требования этого представителя сводятся к быстрому суду над арестованными жирондистами. «Спутники тирании, - говорит представитель 48 секции, - жестокие островитяне, тигры севера, которые приносят опустошение среди нас, значительно менее опасны, чем те, которые нас ожидают внутри, которые разделяют нас, которые вооружают нас одного против другого, все друзья свободы видят, что проповедники федератизма не несут никакого наказания за свои преступления. В общественных местах республики с ненавистью говорят о преступлениях Бриссо. Его имя произносится с ужасом. Мы требуем, чтобы он подвергся суду, так же, как и его сообщники» (Мон. XVII, № 250, стр.520). [Выступление делегации Якобинского клуба в заседании Национального конвента 5 сентября 1793 г.]

Орудием открытой борьбы с врагами революции должен быть террор, по мнению представителя секций.

«Поставьте террор в порядок дня! Будем на страже революции, ибо контрреволюция царит в стане наших врагов» (Мон., XVIII, № 250, стр.526). Он требует, чтобы была организована революционная армия, чтобы она делилась на несколько частей и чтобы при каждой части был трибунал и чтобы эта армия и эти трибуналы оставались в действии до той поры, пока почва Республики не очистится от измены» (Мон., XVIII, № 250, стр.526).

Целый ряд репрессивных мер требует и депутация от секции «Единство». Она считает необходимым, чтобы знатные и священники были изъяты из гражданских и военных должностей, кроме того, она требует более сурового применения законов против ажиотажа и спекуляции, скорого суда над вдовой Капета и жирондистами, требует также, чтобы Конвент оставался на своем посту впредь до упрочения конституции (Мон., XVII, № 250, стр.527).

Эти заявления оказались весьма внушительными. Мы видим, как на сторону требований секций и Коммуны прежде всего склоняются радикальные группы якобинцев в Конвенте в лице Бийо-Варенна и Бурдона. Бийо-Варенн в своих речах 5-го сентября оказался наиболее настойчивым сторонником решительных и немедленных репрессивных мер, решительного удовлетворения всех требований Коммуны и секций и, если в этом с ним кто-нибудь мог поспорить, то только, пожалуй, Дантон, Бийо-Варенн требует немедленного ареста всех подозрительных лиц и организации революционной армии в этом же заседании. Немедленно военный министр должен представить план организации этой армии для того, чтобы сегодня же вечером Республика была в состоянии отразить своих врагов, чтобы об этом декрете экстренно известили все департаменты и представили право комиссарам, разосланным от первичных собраний, принять все меры для борьбы с продовольственными затруднениями. Леонард Бурдон определяет полномочия этой революционной армии. Ее задача - снабжать провиантом Париж и бороться с врагами свободы. Продовольственная армия должна была идти в сопровождении Революционного Трибунала, который имел бы право скорого суда (в течение 24 часов). Если и были в этом заседании слабые попытки внушить членам Конвента необходимость большей осторожности в террористических мероприятиях, то они неизменно выслушивались с недоброжелательством. Сент-Андре говорит, что надо весь вопрос о репрессивных мерах передать в Комитет Спасения, но на это ему возражает голос Бийо-Варенна, который твердил: «Надо действовать, надо действовать немедленно, я требую прекращения прений» (Мон., XVII, № 250, стр.523).

Дантон и в этом заседании является решительным сторонником террора. Он вполне солидарен с Бийо-Варенном. «Нужно немедленно выполнить все те требования, которые предлагает народ. Не нужно никаких иных средств в борьбе с врагами, как только те, которые предлагает народ, ибо ему диктует их национальный гений. Пусть Комитет вырабатывает свои меры, это не мешает тому, чтобы сейчас же декретировать организацию революционной армии. Революционный Трибунал действует слишком медленно. Нужно, чтобы ежедневно аристократ, злодей расплачивались за свои преступления головой. Кроме того, нужно вооружить всех граждан. Нужно каждому гражданину, каждому патриоту дать ружье для спасения родины» (Мон., XVII, № 250, стр.523).

Обсуждение всех вопросов заканчивается сводкой всех петиций, внесенных за сегодняшней день. Сводку эту сделал Барер. «Только что произошедшее движение в Париже должно быть последним, оно вызвало организацию революционной армии, которая выполнит великий лозунг, провозглашенный Коммуной Парижа: поставьте террор в порядок дня. Роялисты хотят крови, так и дадим же им кровь заговорщиков - Бриссо и Мари-Антуанетты; роялисты хотят разрушить труды Конвента, - заговорщики, Конвент разрушает ваши труды. Вы хотите погубить Гору, хорошо, так Гора вас раздавит» (Мон., XVII, № 251, стр.531).

Началась выработка репрессивных мер. В этом же заседании была организована революционная армия. В очень скором времени был реорганизован Революционный Трибунал, был издан закон о подозрительных. Революционная армия должна была бороться с продовольственной разрухой. Она должна была снабжать провиантом столицу. Она была создана для того, чтобы карать тех, кто укрывательством товаров, продажей по вольным ценам, различного рода спекуляцией наживал большие капиталы, еще более способствуя усилению голода и нищеты. [Террор в порядке дня - подборка документов]

Революционная армия создавалась для того, чтобы проводить насильственные мероприятия в области продовольственного дела, для проведения закона о максимуме, в сущности говоря для насильственного регулирования экономической жизни страны. И наиболее видные деятели французской революции - Шометт, Бийо-Варенн, Дантон - всячески защищают эту меру.

Правда, Дантон в дальнейшем изменил в значительной степени свои воззрения на террор и стал призывать к милосердию, но этим не изменяется, в сущности говоря, суть дела, т.е., что в известный период революции Дантон являлся самым решительным защитником террора, шел ли вопрос о борьбе с контрреволюцией или о борьбе с продовольственной разрухой. Момент создания революционной армии и все заседание 5-го сентября интересно еще в другом отношении. Мы опять здесь видим влияние масс на революционное законодательство.

Движение 4-го сентября в Париже дало направление заседанию Конвента 5-го сентября, сделало депутатов более решительными в организации террора. И с этого момента террор действительно стал и порядок дня. Целый ряд мероприятий, одно беспощаднее другого, проводятся в жизнь. Реорганизуется Революционный Трибунал, так как необходим был орган, который бы мог справиться со всей массой новых преступлений, явившихся следствием продовольственных законов. Издается закон о подозрительных. В число подозрительных включаются те, которые не докажут, чем они живут и как исполняют свои гражданские обязанности; опять-таки мера, направленная против лиц, спекулирующих на голоде. И, наконец, в значительной степени усиливается власть революционных комитетов. Они и ранее имели право ареста и выдачи свидетельств о благонадежности. Теперь по закону о подозрительных им поручается составление списков заподозренных и арестов последних. Революционные комитеты, как сеть, опутали всю Францию. В эту сеть попадались все противники революции и заговорщики всякого рода. Революционные комитеты, в громадном большинстве заполненные элементами городской бедноты и рабочих, отнеслись к своей новой функции с такой энергией, что скоро не стало хватать мест в тюрьмах и арестных домах.

Террор поставлен «в порядок дня». И наиболее видные деятели не протестуют против террора, проводимого революционными комитетами. Вот факт, который особенно ярко выявил отношение к этому вопросу Робеспьера.

После того, как революционные комитеты заполнили все тюрьмы и арестные дома заключенными, Конвент издает постановление от 18-го октября 1793 года, которым он вменяет в обязанность революционным комитетам объяснить арестованным точные причины арестов и представлять все списки об арестованных в течение трех дней Комитету Общественной Безопасности. При чем эти списки должны сопровождаться объяснением причин всех арестов, имевших место до сего времени (Mellie, стр.213). Революционные комитеты опротестовали это постановление Конвента (21-го октября 1793 года). «Мы, - сказано было в протесте комитетов, - с прискорбием узнали о декрете, требующем, чтобы арестованным сообщали о мотивах их ареста. Нравственное убеждение часто определяет те меры, какие направляются против этих людей. А потому было бы трудно изложить в протоколе мотивы их ареста». Кроме того, революционные комитеты, состоящие из санкюотов, стали бы часто делать в редакции протоколов невольные ошибки, которыми пользовались бы контрреволюционеры для того, чтобы освободиться от ареста. Петиция была направлена в Комитет Общественной Безопасности. Робеспьер защищает петицию революционных комитетов. «Предшествующий декрет, - говорит Робеспьер, - только заставил бы революционные комитеты выполнять излишние формальности и обескуражил бы всех великодушных граждан, имеющих мужество подвергнуть себя всей злобе аристократии. Эти люди, простые и добродетельные, уменьшат свои старания». Не время ослаблять национальную энергию, говорит Робеспьер. И декрет был отменен 24-го октября 1793 года (Mon., XVIII, № 35, стр.215-216).

Победа в октябре придала еще большую смелость революционным комитетам, и в этот момент, по выражению Мелье, они делаются господами Парижа. Так, «законник», по выражению Олара, Робеспьер выразил свое отношение к беззаконию, творимому революционными комитетами. Больше того, мы считаем нужным изложить те воззрения на террор, которые он выразил в своей известной речи о принципах революционного управления, а также и воззрения на этот вопрос Сен-Жюста, его преданного друга и сторонника.

Доклад Конвенту о принципах революционного правления Робеспьер читает несколько позже, а именно 25 декабря 93 года. Весь доклад в целом - это попытка определить задачи и принципы власти, действующей в эпоху революции, и разрешение этих проблем не только к данному случаю, к эпохе именно французской революции, но определение задач и принципов всякого революционного правительства. Он сознает трудности для создания такой теории, ибо «теория революционного правительства, - говорит Робеспьер, - так же нова, как революция, которая ее создала. Искать эту теорию надо не в книгах политических мыслителей, которые не предвидели подобную революцию, и не в законах тиранов, они стремятся злоупотреблять ею, черпать эту теорию нужно из сознания общественной пользы» (Mon., XIX, № 97, стр.51).

Далее он проводит отчетливое различие между обычными формами и задачами власти и задачами революционного правления: «Задачи конституционного управления, - говорит Робеспьер, - направить, жизнь Республики, задачи революционного - ее создать. Каково же по своему характеру должно быть революционное правление? Революционное правительство должно быть чрезвычайно активным, именно потому, что оно правительство войны. Оно подчинено правилам, менее определенным и менее строгим, потому что обстоятельства, в которых оно находится, чрезвычайно бурны, изменчивы и особенно потому, что оно вынуждено применять беспрестанно новые, быстрые средства против все новых и новых опасностей» (Моп., XIX, № 97, стр.51).

Как видно читателю, Робеспьер вовсе не такой сторонник «законных» средств, как это изображено у Олара. Он признает только одну цель - «спасение народа», один закон - «необходимость». Каков же основной принцип революционного правления, определяющий все его действия? Принцип этот - террор. «Конституционное правление должно преимущественно заботиться о личной свободе, правление революционное - о свободе общественной. Революционное правительство защищает добрых граждан, оно знает только наказание смертью для врагов народа» (Моп., XIX, № 97, стр.51).

«Эти замечания достаточны, - говорит Робеспьер, - чтобы объяснить происхождение и природу законов, которые мы называем революционными. Те, кто называют эти законы тираническими, - глупые софисты или испорченные люди, которые желают смешать понятия: они желают объединить воедино мир и войну, здоровье и болезнь. В конце концов они хотят только зарождения тирании и смерти отечества» (Моп., XIX, № 97, стр.51).

Итак, Робеспьер дает общую теорию революционного правления и говорит, что революционное правление по необходимости должно быть построено на терроре, что никакие иные законы не руководят этим правлением, как только законы спасения народа и необходимости, что революционное правление знает только наказание смертью для врагов народа. Разве это не самое полное выражение теории террора или, по выражению Олара, «теория насилия»?..

Чтобы покончить с этим вопросом, необходимо еще изложить содержание речи Сен-Жюста, произнесенной 10 октября 1793 года. Сен-Жюст разрешает сначала чисто практический вопрос, каким образом выйти из затруднений, в которые попала в данный момент Республика, и доходит до общих положений, утверждая, что террор должен сделаться руководящим принципом революционной власти. Республике угрожают федерализм, заговоры и голод. Какие же средства для уничтожения этих опасностей? Ничто иное, как террор. «Нельзя надеяться на благоденствие, - говорит Сен-Жюст, - пока не исчезнет последний враг свободы. Вы должны наказывать не только преступников, но и индифферентных. Вы должны наказывать тех, кто бездейственен в Республике и ничего не делает для нее. Ибо все, кто препятствуют французскому народу, посягают на его независимость, все, кто посягают на его независимость, являются его врагами» (Моп., XVIII, № 23, стр.116).

Но далее он выставляет уже общее положение, что миролюбие и правосудие хорошие принципы для мирного времени, но когда родина окружена врагами, то милостивые законы - меч для нее. «Правосудие и миролюбие - хорошие средства для друзей свободы, но для врагов они не что иное, как меч. Нужно упрямлять железом, если нельзя управлять законом» (Моп., XVIII, № 23, стр.106).

«Могут ли помочь конституционные средства Республике, окруженной врагами? В том положении, в котором находится Республика, конституция не может быть установлена, она будет умерщвлена. Она допускает злодейства против свободы, ибо нет необходимых средств, чтобы их отразить. И здесь, вместо конституционной гарантии, само управление должно быть построено на принципах самого строгого контроля над действием властей, самой неукоснительной бдительности». Невозможно, чтобы революционные законы выполнялись, если управление организовано не революционно. Революционное правление, по мнению Сен-Жюста, должно проявлять наибольшую бдительность по отношению к врагу, но также наибольший контроль над своими собственными действиями. «Нужно точно определить обязанности, меч поставить на ряду со злоупотреблением, ибо все должны быть свободны в республике, за исключением тех, которые злоумышляют против нее и которые плохо управляют» (Моп., XVII, № 23, стр.106).

В речи Сен-Жюста мы находим в основном мысли сходные с Робеспьером по данному вопросу. И Сен-Жюст также считает, что революционное правительство - это нечто отличное от конституционного, управляющееся своими особыми принципами, и ему свойственна та мысль, что в момент, когда родина окружена всеми врагами, никакая другая власть, как только революционная, не может существовать. При революционном правлении иные средства невозможны, как только действие террором или, по его выражению, «действие железа».

«Взгляд на террор, как последствие войны, так часто развивался, что мне здесь незачем настаивать на нем», - пишет Олар. Но если мы рассмотрим роль террора в эпоху, предшествующую падению якобинской диктатуры, то увидим, что война далеко не единственная причина, обуславливающая террор. В самом деле Франция, начиная с сентября, месяца, одерживает победы, победы над европейской коалицией и контрреволюционными выступлениями увеличиваются к декабрю; к весне 94 года Франция выходит победительницей и отразившей натиск европейской коалиции, а террор все еще продолжается. Что его обуславливает? Остановимся на этой странице в истории развития террора - 16-го октября была одержана первая большая победа над австрийцами при Ватиньи. Мобеж, осажденный австрийцами, был освобожден. В декабре у англичан был отнят Тулон штурмом. В Эльзасе и на Рейне республиканские армии, во главе с генералами Гош и Пишегрю, одерживают победу. Гош разбил австрийцев при Генисберге 25 декабря, и, наконец, победа при Флерюсе (25 июня 94 года) открыла французам дороги в Бельгию и была конечным успехом в борьбе, которую Республика вела в 93-94 году.

Контрреволюционные движения внутри страны к концу 93 года оказываются в процессе ликвидации. Упорная война с Вандеей закончилась к концу декабря 93 года. Лион должен был сдаться еще раньше-9-го октября. К этому же времени было подавлено восстание марсельцев и в Бордо. Однако никогда еще террор не действовал с такой силой, как в конце 93 года и в первой половине 94 года. Эта эпоха создает и закон 23 вентоза и закон 27 жерминаля и известный закон 22 прэриала. Если в первую половину террористического режима террор обуславливался ясными, резко очерченными причинами, то во вторую половину эти причины не так очевидны, но, вероятно, не менее действенны.

В сентябре 93 года, в значительной степени под давлением секций был издан всеобщий закон о максимуме. Но, издав этот закон Конвент встал перед необходимостью обеспечить его выполнение. Почти тотчас после издания общего закона о максимуме, Конвент создал специально для заведывания всеми делами, касающимися максимума, особую комиссию, которая и обратилась с циркуляром к местным властям, требуя от них скорости, точности и неумолимой суровости в выполнении данного закона. Против нарушителей закона вырабатывается высшая мера наказания - смертная казнь. Но все эти меры мало помогают. В Революционном Трибунале то и дело рассматриваются дела этих нарушителей. Террор в значительной степени поддерживается необходимостью борьбы за максимум. В дальнейшем мы подробно займемся делами этого рода, но сейчас только укажем, что Революционный Трибунал был завален делами, связанными с обвинениями в продаже товаров не по максимальным ценам. [Закон 29 сентября 1793 г. о максимуме, Из декрета 3-4 вентоза, дополняющего закон о максимуме]

В Революционном Трибунале очень часто разбирались также дела по обвинению в укрывательстве, даже в порче товаров, произведенной с целью не продавать их по максимальным ценам. Революционный Трибунал карает этих людей смертью, законы по отношению к ним становятся все суровее, все чаще издаются законы, ускоряющие судопроизводство Революционного Трибунала. Закон 22-го прэриала делает Революционный Трибунал комиссией, регистрирующей смертные казни, но до самого конца не уменьшаются дела, карающие преступления в нарушении закона о максимуме. С другой стороны, закон о максимуме только в незначительной степени ослабил продовольственный кризис.

За спекуляцией шло исчезновение продуктов. Отсутствие продуктов усиливало еще большие бедствия городской бедноты.

Из доклада Лежандра от 23-го февраля мы узнаем о необычайном мясном кризисе, который переживает страна. Мясо отсутствует отчасти из-за того, что оно привозилось из-за пределов Франции, теперь этого привоза не было. Весь наличный запас шел на потребление армии. Этот недостаток в мясе усиливался спекуляцией, идущей всегда за нуждой. Лежандр дает очень характерную картину, показывающую, кто, по его мнению, был алчным спекулянтом. По его мнению, несправедливо обвинять в спекуляции всех мясников огулом. Среди них есть добрые патриоты, а вот приказчики мясников, бесшабашные люди, из которых многие были прогнаны хозяевами за воровство, собирались на рынках и в складчину закупали все, что могли найти, с тою целью, чтобы путем скопления товаров наживать барыши. И частные мясники, говорит Лежандр, должны были скупать у них мясо (Мон., XIX, № 155, стр.536).

Продовольственные затруднения, конечно, не ограничивались одним недостатком мяса, нет также хлеба, мыла и других предметов первой необходимости (Тарле. «Рабочий класс во Франции в эпоху революции», т.II, стр.319). Бедствиями и недовольством городской бедноты питается фракционная борьба. И с недовольными и противниками жестоко расправляется власть, все усиливая темп террористической политики. Как известно, в марте 94 года наиболее радикальные группы якобинства, возглавляемые Шометтом и Эбером, задумали вооруженный переворот. Момент для этого был выбран удачно. Парижское население, как мы уже говорили, было измучено тяжелой зимой, недостатком продовольствия, в народе царил недовольство по поводу непринятия мер, достаточно обеспечивающих парижское население хлебом. Но восстание это потерпело неудачу из-за недостаточной организованности. Восставшие погибли. С участниками восстания расправились жестоко. Немедленно был издан декрет 23-го вентоза (13 марта 1794 г.). Декрет карает смертью всякую - попытку воспрепятствовать предназначению Конвента, всякое покушение на узурпацию власти, безопасность и даже достоинство Конвента. По декрету должны были организоваться немедленно шесть народных комиссий для скорейшего суда над всеми врагами революции. [ФРАКЦИОННАЯ БОРЬБА 1793-94 гг. - подборка документов]

Так на почве разочарований в максимуме и других, продовольственных законах вырастает недовольство масс. Это недовольство используют враждебно настроенные фракции по отношению к правящей группе буржуазии для своих выступлений. С этими выступлениями власть жестоко расправляется. Создается ряд устрашающих мер.

Но никогда террор не достигал такого усиления, как в эпоху, предшествующую падению Робеспьера, в момент агонии якобинской диктатуры. В это время создается такая решительная террористическая мера, как закон 22-го прэриала (10-го июня 1794 г.).

После гибели эбертистов и дантонистов диктатура мелкой буржуазии выразилась в господстве робеспьеровцев, т. е. одной группы ее средне-зажиточных слоев.

Опираясь на столь узкий базис, эта диктатура находилась в состоянии неустойчивого равновесия. Смысл всех дальнейших событий в том, что эта группа стремится сохранить устойчивость и равновесие. Но кто мог ее поддерживать? Число врагов робеспьеровцев все растет и увеличивается. Рабочая масса, главным образом, разочарованная в силе продовольственных законов и законов о максимуме, а также стесненная до крайности в своей борьбе за улучшение условий труда, не питает к робеспьеровцам никаких теплых чувств. Мелкая буржуазия, лишенная своих вождей: Шометта и Эбера, также не склонна была поддерживать правящую группу. Все вожди революции, поддерживающие интересы городской бедноты, рабочих, подмастерьев (такие, как Ру, Шометт и Эбер), были казнены. Но самое главное: на сцену выступил новый враг власти) - крупная буржуазия (nouveaux riches), воспитанная в атмосфере спекуляции, выросшая вследствие злоупотреблений при военных поставках, нарушения закона о максимуме и т. д. Положение Робеспьера и его сторонников делается весьма непрочным. Продержаться против многочисленных и все растущих врагов можно было некоторое время только путем беспощадного террора. Выражением всех этих условий был закон 22 прериала. Смысл его в том, что суд достигает максимальной быстроты делопроизводства, уничтожаются допросы свидетелей, выступления защиты. Суд делается судом без всяких гарантий. Единственным наказанием для всех названных в законе врагами народа делается смертная казнь (Мон., XX, № 264, стр.694-695).

Действительно, если с окружающими опасностями приходилось бороться столь суровыми законами, значит они действительно были грозны. И не военные победы подготовили гибель Робеспьера, как это изображено у Олара. Его гибель явилась следствием слабости социальных основ его власти. Последнее показали дальнейшие события. Достаточно было сорганизоваться оппозиции против Робеспьера из остатков прежде разгромленных групп, радикальных якобинцев, сочувствующих казенным шометтистам и эбертистам, и части болота, связанных с новой буржуазией, как власть Робеспьера рушится. 9-го термидора Робеспьеру не дали произнести в Конвенте приготовленную им речь. После бурной сцены голосами болота и левых прошло постановление об его аресте. Попытка Коммуны поднять парижских рабочих и ремесленников против Конвента оказалась безрезультатной. Массы были или равнодушны, или враждебны к пытавшейся поднять восстание группе. Да и могли ли массы, для которых в свое время эта группа сделала очень мало, вождей которых она казнила, подняться в защиту ее?

И не боязнь совершить насилие, как это изображено у Олара, сделала нерешительным Робеспьера (трудно говорить о боязни насилия про Робеспьера, публично защищавшего закон 22-го прериала) Эта нерешительность была следствием понимания Робеспьером истинного положения дел и прежде всего понимания того, что восстание. будучи объявленным, обречено на неудачу.

Так в процессе революции выявились основные этапы в развитии и усилении террора. Террор, вызванный вначале опасностями войны и контрреволюции, усиливается вследствие продовольственных затруднений и борьбы за проведение закона о максимуме.

«Максимум» в свою очередь порождает новые экономические затруднения, на почве которых вырастает недовольство масс. Этим недовольством питается борьба внутри самого якобинства. Еще большее усиление террора должно быть приурочено к моменту фракционной борьбы.

Наконец, террор делается беспощадным в момент агонии якобинской диктатуры, когда робеспьеровцы террором стараются укрепить свою пошатнувшуюся власть.

Выше, на основании протоколов Конвента, мы старались также показать, что, вопреки утверждениям Олара:

1) Почти все наиболее видные деятели революции провозглашали террор, как средство спасения родины и революции. А в некоторых речах Дантона, Робеспьера и Сен-Жюста определенно высказываются общие мысли о роли террора в управлении государством и о задачах революционного правления.

2) Целый ряд фактов говорит за то, что неорганизованный террор, уличные движения, разгромы жирондистских типографий, выступления городской бедноты, ремесленников и др., требовавших усиления террора, в значительной степени влияли на создание террористических мероприятий.

3) В результате этого требования масс террор был поставлен в порядок дня, таково выражение многочисленных петиций, подаваемых секциями в Конвент.

4) Материал, которым мы располагаем, дает возможность заключить, что террор во Франции определяется не только войной, он вызывается и многими другими причинами, среди которых первое место занимает закон о максимуме. Закон этот, явившийся первоначально следствием войны, принимает вскоре самодовлеющее значение. С одной стороны, власть пользуется террором в борьбе за проведение этого закона, с другой стороны, порожденные им экономические затруднения вызывают недовольство в известной части населения, которое в свою очередь подавляется террором. Эти отношения нашли свое выражение во фракционной борьбе: выступления «бешеных», эбертистов и др. питаются, главным образом, недовольством городской бедноты.

5) Само собой разумеется, что и падение Робеспьера обуславливается не только военными победами Франции, а является следствием коренных социальных изменений, зарождением контрреволюционной силы в лице новой буржуазии, разочарования рабочих масс, неудовлетворенных революцией, и так далее.

Попытка Олара уничтожить террор французской революции привела его к явному искажению основных фактов революционной борьбы, а также к искажению взглядов видных деятелей революции.

Нужно было не посчитаться с целым рядом выступлений Робеспьера, Сен-Жюста, Дантона для того, чтобы выставить их противниками насилия.

Но террор французской революции вообще сделался таким вопросом, вокруг которого чаще всего возникали различные легенды и искажения фактов. Только другие историки искажали этот вопрос несколько иначе, чем это сделал Олар. Если Олар делает вождей революции безропотными агентами, не желающими нанести меч над врагом из боязни насилия, то другие чаще всего обращали вождей революции в олицетворение зверства, в людей, без разбора рубивших головы и знатных и бедняков - и даже чаще всего бедняков. Мы сейчас говорим о той группе историков, которая свою критику террористического режима сосредоточила, главным образом, на деятельности Революционного Трибунала. К этой группе принадлежит и французский историк Луи Блан и ряд наших русских исследователей: Боровой, Тарле и др. Эти историки много пишут о деятельности Революционного Трибунала. Большею частью деятельность суда рисуется ими следующим образом: Революционный Трибунал, призванный для борьбы с контрреволюционной знатью и крупной буржуазией, боролся, главным образом, с мелкотой. [Боровой А. Общественные идеалы современного человечества. Либерализм. Социализм. Анархизм, Революционный трибунал в эпоху Великой французской революции - воспоминания современников и документы под ред.Е.В.Тарле]

Революционный Трибунал, говорят историки, беспощаден к ремесленникам и рабочим, за малейшее преступление он направляет их на гильотину. Количество мелкоты, осужденной Революционным Трибуналом, значительно превышало количество знати.

Выше мы подвергли подробному обсуждению и критике точку зрения Олара. Ниже, во второй части статьи, мы рассмотрим взгляды Луи Блана и русских исследователей на деятельность Революционного Трибунала.

Мы остановимся подробнее на жизни революционного суда и на основании протоколов выясним его роль в судьбах мелкоты.

II. Социальный состав осужденных Революционным Трибуналом **)

По вопросу о социальном составе казненных Революционным Трибуналом имеется довольно согласное мнение большинства исследователей, начиная с Луи Блана, кончая русскими исследователями французской революции, Тарле и Боровым, что Революционный Трибунал, особенно в последнюю эпоху своего существования, большею частью разит мелкоту ***). Вот по поводу этого-то мнения историков нам и хотелось высказать несколько соображений.

Когда изучаешь протоколы Революционного Трибунала, то поражаешься одним обстоятельством, а именно: чрезвычайной неустойчивостью профессий, а вместе с тем известной текучестью социальных группировок, выявленных нашим материалом. В самом деле, революция до основания потрясла весь экономический строй в целом. Старые основы феодального хозяйства были окончательно разрушены, промышленность, торговля потерпели ряд ударов, часть низов, тесно связанная с существованием имущих классов, была также глубоко потрясена экономическим уничтожением имущих слоев населения, по вместе с тем появились новые источники наживы - это, прежде всего, война, различного рода поставки на армию, работы в тех отраслях промышленности, которые были расширены войной, кроме того, неустойчивость финансового аппарата страны давали возможность легкой наживы, путем различных форм ажиотажа.

Все это создавало необычайную неустойчивость профессий; многочисленные примеры этого факта нам дают дела Революционного Трибунала. Перед нами проходит галерея лиц, обвинения которых основываются на делах, чрезвычайно далеких от их профессии. 4-го апреля судится некий Пьер Боссю. Он - шапочник. Но обвиняется он по недобросовестной поставке сапог, вместе с ним поэтому же делу привлекается судья Трибунала Монтарги. Он участвует в поставке сапог, снабжает Боссю своими деньгами. В результате сапоги оказались плохими, и они оба были осуждены Революционным Трибуналом (Wall, т.III, стр.228). Свободные профессии также не в большом почете. Особенно экономически подавлены художники, картины плохо сбываются. И один догадливый живописец, не долго думая, занялся поставками на армию, и 13-го декабря мы его видим на скамье, подсудимых Революционного Трибунала, обвиняющегося за недоброкачеством своей поставки (Wall, т.II, стр.547). Священник сделал менее удачную карьеру, он делается сельским хозяином и занимается земледелием. На скамье подсудимых мы его видим, обвиняющегося за нарушение закона о максимуме (Wall, т.III, стр.464). Таких примеров можно привести очень большое количество. Нотариальный чиновник делается булочником (Wall, т.IV; стр.59). Некий Николай Шемель, аптекарь-химик, агент по сбору селитры, занимается делами, никакого отношения к селитре не имеющими. Он переправляет серебро эмиграции (Wall, т.III, стр.434). Эту профессию находит выгодной также каретник и лакей, и притягиваются к суду за снабжение эмиграции французским серебром и т.д. Все эти факты говорят о следующем: 1) об образовании таких социальных прослоек, которые были выбиты из своей обычной колеи, остались не у дел, ищут приложения своего труда и добычи себе средств существования, и, само собой разумеется, большая их часть ищет легкой наживы; стремится приспособиться к выгодной поставке, к какому-нибудь делу, связанному с войной, эмиграцией, к какой-нибудь форме ажиотажа и т.д. Это замечание общего характера. Перейдем к более детальному анализу социального состава тех лиц, преступления которых были зафиксированы в делах Революционного Трибунала. Заметим, что нас, главным образом, интересует именно мелкота. Здесь, прежде всего, выступают дела довольно многочисленной группы лиц, так называемой господской прислуги. Чем можно объяснить такую странную приверженность к старому этому многочисленному кадру мелкоты? Может показаться, что весь роялизм сосредоточился только у этих людей. Прислуга всячески способствует укрыванию своих господ от суда, она скрывает имущество своих хозяев, она направляется с ними в эмиграцию и, наконец, она проявляет всячески свой роялизм, понося всюду Конвент, республиканцев, Гору. Выкрики: Да здравствует король, да здравствует Людовик XVII раздаются, главным образом, из их уст. Обратимся к делам Революционного Трибунала. 23-го декабря судится лакей мадам Дюбарри, некий Дени Морэн, он укрывал от реквизиции ее драгоценности (Wall, т.II, стр.488). Слуга Генье осуждается Революционным Трибуналом (13-го июня) за

то, что он сопровождает своего господина в эмиграцию (Wall, т.IV, стр.491). 5-го мая судится Луи-Пьер Савари, лакей Ламбека, его также обвиняют и эмигрировании (Wall, т.IV, стр.531).

Лакеи, служанки, повара, прачки и домашние портнихи оказываются в рядах самых озлобленных реакционеров. 27-го июня перед Революционным Трибуналом выступает лакей Максимилиан Лемо. Им вменяются в преступление следующие сказанные им слова. Он доволен, что Дюмурье идет на Париж, он истребит всю партию Национального Конвента (Wall, т. IV, стр.517). Несколько ранее (12 июня) обвиняется служанка Мария Ланглуа за публичное поношение присяжных священников и Конвента. Она собирает около себя толпу сограждан своей коммуны и, не смущаясь даже присутствием администрации, проповедует, что присяжные священники, выбранные народом, незаконны и к будущей Пятидесятнице должны вернуться старые, что присяжные священники не могут направлять души верующих, что день возмездия должен настать. Все, что делает Конвент, по ее мнению, является достойным только смеха, и она не может признавать законы этих людей. На допросе она держится очень смело. Утверждает, что она религиозна и потому не может признавать священников, поставленных людьми, а не епископом, что Конвент она не признает потому, что от самого бога ей известно, что все его дела не более, как игра детей и т.д. (Wall, т.IV, стр.172-178). Не менее реакционны и очень значительной степени привержены к роялизму прачки. 13-го июня на суде выступает Жюли Жермансон, молодая прачка, 24 лет. По донесению полиции она арестована была за то, что на улице кричала «да здравствует король, да здравствует королева», причем прибавляла, что она не боится гильотины, ибо гильотина поглотила немало порядочных людей (Wall, т.IV, стр.187). Через некоторое время опять пример такой же приверженности к старому со стороны этих людей. 23-го июня на суде выступает еще одна прачка Мария Коррье. Она была арестована за то, что она открывала окно и кричала «да здравствует король». На вопросы о мотивах такой приверженности королевской власти она отвечала, что ей так нравится, что она всегда говорит да здравствует король, а потом прибавила, что «чем влачить несчастную жизнь, она предпочитает лучше умереть».

Таких примеров можно было бы привести еще очень много. И все они говорят, прежде всего, что в Париже довольно многочисленным слой господской прислуги, так как у прежних дворян и крупной буржуазии было в обычае держать многочисленный штат этих людей. Этот слой всеми корнями был связан с основами старого порядка. При старой жизни они были экономически даже более обеспечены, чем рабочие, и вели очень легкую, а некоторые, - даже совершенно праздную жизнь. Революция уничтожила все их благосостояние. Часть господ эмигрировала, часть погибла на гильотине, очень многие обеднели, их ждало самое безотрадное существование, нищета. Важно отметить, что это были непроизводительные элементы, не обладавшие достаточным навыком и способностями, чтобы приспособиться к новым условиям. Этим объясняется их озлобление против революции, их реакционность. Характерно, как они проявляют свое отрицательное отношение к революции. Они никогда не поднимают открытого восстания - они слишком трусливы для этого, - но их выступление всегда какой-нибудь выкрик, участие в какой-либо демонстрации. Известно, что роялисты использовали впоследствии эту массу для выступления против революционеров. И в эпоху реакции эта же масса содействует «золотой молодежи» в ее походе против республиканцев (Кунов, «Борьба классов и партий», стр.44-45).

Близко примыкают к этому слою различные формы ремесел, обслуживающие состоятельный элемент общества: портнихи, парикмахерши. И они появляются в Революционном Трибунале такие же реакционные, такие же роялистичные, как и указанная выше господская прислуга. Большею частью и эти люди следуют за своими господами в эмиграцию. Одна молодая женщина, которую правительственный агент встретил в дилижансе, ему ответила: «Я - портниха, мои заказчики уехали в Германию, и я делаюсь эмигранткой, чтобы быть там, где они» (Кропоткин, «Великая франц. революция», стр.248). Те, кто остался, мало способствует процветанию республики. 5-го мая в Трибунале разбиралось довольно крупное дело по разбрасыванию прокламаций, призывающих к уничтожению власти Конвента, террора, к восстановлению монархии. На скамье подсудимых три женщины - портниха, парикмахерша и работница в модной мастерской. В одной прокламации парижане призываются к тому, чтобы постараться освободить жертвы из тюрем и уничтожить гильотину. Воззвание кончается возгласом: «Идите к тюрьмам и освободите невинные жертвы». Другое, приписываемое парикмахерше Меланж Энуф, начинается так: «Да здравствует Людовик XVII. Необходимо установление его на троне. Граждане, откройте глаза. Пусть для вас власть злодеев, стоящих теперь во главе управления, будет нетерпима. Направьте свои силы против них, и вы будете счастливы!» Третья была привлечена как сообщница этих двух. И все трое были осуждены (Wall, т.III, стр.382-387).

Так же роялистична и проституция различного ранга. Коммуна организовала поход против домов терпимости, проституции, и, таким образом, революция уничтожила все материальные основы этой группы парижского населения. Здесь вспоминается один трогательный литературный образ проститутки Атенаис в романе «Боги жаждут» Анатоля Франса, так правдиво воспроизведшего эту черту эпохи. Она объясняет, почему она сорвала с себя кокарду и закричала: «да здравствует король». «Не потому, чтобы я любила короля, - говорит она, - вы понимаете, что я его никогда не видала и, может быть, он мало чем отличается от других людей. Но эти злы. Они жестоки с бедными девушками. Они хотят помешать мне заниматься моим ремеслом. Но у меня нет другого. Вы, конечно, понимаете, что если бы я знала другое ремесло, я бы не занималась этим». И на скамье подсудимых Революционного Трибунала они появляются необычайно озлобленные, реакционные, роялистичные, также принимающие участие в выкриках «да здравствует король». Возьмем хотя бы некую Мадлену Лекруа, судившуюся 15 июня за то, что она несколько раз повторяла, что она хочет короля, что она желает возвращения короля и его семьи, направляла ругательства против нации и т.д. (Wall, т.IV, стр.205).

Все те социальные группы, о которых приходилось говорить, являются все же мелкотой, пусть преступной и вредной для республики, но все же мелкотой. Но скоро перед нами выступит уже не мелкота, а та социальная прослойка, для которых уже их профессия является не показательной. Это все те, которые выступают как нарушители закона о максимуме, а также обвиняемые в различных формах ажиотажа и, главным образом, в различных поставках на армию. По своей профессии, по своему социальному составу - это, пожалуй, еще и мелкота - это ремесленники, связанные или не связанные своим производством с той или иной поставкой, фермеры, мелкие торговцы. Но и Революционным Суде они появляются, как целая организация поставщиков, как участники в крупных формах ажиотажа, как лица, занимающиеся торговлей деньгами, крупные ростовщики - это все *ouveaux riches*, новая буржуазия, жадная и хищная, различными манипуляциями нажившая большие капиталы. Этим людям трудно назвать мелкотой, для них социальное происхождение не показательно. Это - переродившийся слой мелкой буржуазии, правда, вышедший из несостоятельных элементов, но в период революции успевший создать себе капитал на недобросовестных поставках, на ажиотаже, на спекуляции, на различного рода аферах.

Перейдем к более подробному рассмотрению этого вопроса. Прежде всего остановимся на тех группах, которые обвиняются в нарушении законов о максимальных ценах, за сокрытие товаров и т.д. В сентябре 93 г. был издан всеобщий закон о максимуме. И с этого момента в Революционном Трибунале проходит целый ряд лиц, обвиняющихся в том или ином нарушении этого закона.

В качестве нарушителей выступают, главным образом, торговцы, фермеры, крестьяне. 25-го декабря Революционный Трибунал осуждает торговца хлебом Николая Гомо, он укрывал для продажи по вольным ценам 71 ливр хлеба более лучшего качества, чем тот хлеб, который он продавал. Кроме того, он обвиняется еще в том, что он рекламирует хлеб, продаваемый им по вольным ценам, как хлеб своего производства. Революционный Трибунал присуждает его к смертной казни (Wall, т.II, стр.490). На следующий день другой торговец хлебом был осужден, ибо, по выражению обвинительного акта; хотел уморить голодом народ (Wall, т.II, стр.533). 5-го февраля осуждается один булочник за скупку муки (Wall, т.II, стр.540). А вот и другой пример продажи по более высоким ценам уже не хлеба, а мяса. Характер разбираемого дела таков: Пьер Монтазе, мясник, и Жан Марке, продавец быков, обвиняются в манипуляции с повышением цен. Мясник оправдывается. Он продавал мясо соответственно тем ценам, по которым он покупал быков, а продавец быков говорит, что он покупал быков по более высоким ценам у скотоводов, ибо поставщики в армию конкурируют с ними и дают более высокую цену на скот. Но его обвиняют в том, что он все же нажил 222 ливра 10 су на каждого быка и, таким образом, мясник потерял на своей покупке 424 ливра 19 су и должен был продавать не по максимуму. Продавец быков осуждается, мясник был оправдан (все это дело разбиралось 20 июня) (Wall, т.III, стр.469). Ссылки на конкуренцию провиантмейстеров мы встречаем очень часто, очевидно, необходимость скорой и массовой доставки провианта заставляла провиантмейстеров отступать от покупки по максимальным ценам, и поставки провианта в армию были особенно выгодным делом, где процент наживы был особенно велик. Есть несколько дел по спекуляции с фуражом. 9-го июня обвиняются 2 крестьянина: Лорсе и Клод Соваж, мировой судья Бартелеми Рюйне, а также один коммерсант том, что они спекулировали на фураж. Из допроса Лорсе мы узнаем, в чем было дело. «Правда ли, говорит допрос, что после распоряжения правительства о доставке по дешевой цене фуража, соломы и овес вы из стремления к наживе продавали фураж по более высоким ценам?» Крестьянин утверждал, что одну часть этого фуража он доставил Республике и только остаток из боязни его порчи он продал по цене покупки. Но, несмотря на это утверждение, все трое, кроме мирового судьи, были осуждены на смертную казнь (Wall, т.IV, стр.490). В другом деле обвиняемые также крестьяне. Но повинны они уже в утайке от реквизиции определенного количества муки. 28 мая разбирается дело 9 крестьян из департамента Сены-и-Уаза. Они не желали произвести доставку продовольствия и укрывали у себя муку. Кроме того, они оскорбили комиссаров, посланных для реквизиции хлеба. Они не отрицают своей вины, и все 9 человек были присуждены к смертной казни (Wall, т.IV, стр.467).

Уже из приведенных примеров представляется возможным сделать следующий вывод. Закон о максимуме-вызвал стремление его обхода и уничтожения среди чрезвычайно разнообразных социальных элементов населения Франции. Спекулируют все: торговцы хлебом и торговцы мясом, поставщики скота, муки и фуража. Спекулируют все, кто только надеется как-нибудь уберечься от всевидящего ока власти. И в виду того, что вся старая буржуазия, торговая и промышленная, была взята под перекрестный огонь надзора, в спекуляции участвует больше всего мелкота. Вспомним доклад Лежандра, который утверждал, что больше всего спекуляцией занимаются даже не сами мясники, а их приказчики, потому что они менее заметны, им легче уберечься от суда, они изворотливее, они значительно более хищники, чем старые торговцы, которые в более устойчивой экономической жизни старого времени выработали некоторое представление о законном барыше. Во всех вышеуказанных примерах фигурирует та же мелкота, это различные торговцы, большею частью булочники, мясники, фермеры, земледельцы. Но эти дела, к сожалению, не дают нам конкретных указаний на то, что эта мелкота уже, в сущности говоря, новая буржуазия. Мы только можем предположить с некоторой долей вероятности, что этот продавец быков, наживший на каждом быке 222 ливра, уже успел себе сбить определенный капитал, что он уже типичный представитель новой буржуазии, то же можно сказать про спекулирующих на фураже, но, в сущности говоря, конкретных данных для такого заключения у нас нет. И в этом смысле значительно более выразительным является тот материал, который нам дают дела Революционного Трибунала по ажиотажу и разным манипуляциям с ценами, а также дела о поставках в армию.

Охарактеризуем, прежде всего, общую политику Конвента в борьбе с обесценением ассигнаций, его декреты, направленные на борьбу с этим обесценением, ибо нарушение этих декретов и дает многочисленные дела Революционного Трибунала, когда ассигнации стали терять 50, 60 и даже около 80% своей нарицательной стоимости, то такое падение курса не могло не отразиться на товарных ценах, на сокращении покупательной силы бумажных денег и на различную расценку товаров в зависимости от того, производился ли платеж ассигнациями или металлическими деньгами. Тогда Конвент начал вести энергичную борьбу с неблагоприятной для него расценкой ассигнаций частным оборотом. Борьба эта начинается изданием ряда декретов, запрещающих сделки с металлической валютой. Декрет 16 апреля 93 года запрещает продажу звонкой монеты на всем пространстве Республики. Виновные присуждаются к шестилетнему тюремному заключению. Все платежи и сделки между частными лицами производятся ассигнациями. Большие строгости начинаются с сентября месяца. 5-го сентября издается декрет: все лица, уличенные в отказе принять платежи ассигнациями или в отдаче и в получении их с какой-нибудь потерей, а равно разговор, клонящийся к возбуждению недоверия к ассигнациям, карается смертной казнью (Мон., XI, № 250, стр.527). 10-го мая 94 года вновь издается декрет, объединивший все ранее изданные постановления о действиях, ведущих к обесценению ассигнаций. Смертная казнь грозит по этому декрету также и тем лицам, которые повинны в продаже и покупке металлических денег, а также предлагавшим различную расценку товаров, в зависимости от платежа ассигнациями или монетой (Мон., XX, № 232, стр.436).

Эти распоряжения Конвента, а также низкая расценка ассигнаций в сравнении с металлическими деньгами привели к тому, что ноши вся металлическая монета и чеканы из золота и серебра стали припрятываться населением, а золото и серебро перестали поступать на монетный двор для перечеканки в деньги. Тогда правительство Конвента решило преследовать припрятывание и хранение благородных металлов и ценностей. 13-го ноября 1793 года Конвент постановил конфискацию в пользу республики золота, серебра и всяких иных ценных вещей, которые будут найдены зарытыми в землю, спрятанными в подвалах, скрытыми на чердаках, в стенах, в полу, в печке, в дымовых трубах и т. д. (Мон., XVIII, № 54, стр.416). Не ограничиваясь этим, Конвент арестовывает всех банкиров, негоциантов, а также биржевых маклеров, подозреваемых правительством в спекуляции. На ряду с этим к ответственности притягиваются все лица, занимающиеся продажей денег или каких-либо других знаков, акций, банковых билетов, могущих конкурировать с ассигнациями. К числу тех же мер относится уничтожение ассигнаций с королевским изображением. Эти ассигнации, напечатанные еще до падения монархии, усиленно накапливались и припрятывались контрреволюционными элементами населения в расчетах на быстрое падение республики. Все эти ассигнации декретом от 30 июля лишались законной платежной силы (Мон., XVII, № 213, стр.278). На ряду с торговцами деньгами привлекаются также лица, наполняющие рынок фальшивыми ассигнациями. Все лица, занимающиеся производством фальшивых ассигнаций, приравниваются к врагам отечества и подлежат суду Революционного Трибунала (Мон., XVII, № 213, стр.275).

Все многочисленные дела Революционного Трибунала этого порядка и являются отступлениями от вышеупомянутых декретов, варьирующимся самым разнообразным образом. Типичным преступлением этого порядка является скупка и продажа различных акций, конкурирующих с ассигнациями, торговля звонкой монетой, деньгами с королевским изображением, различная расценка товаров, в зависимости от того, расплачиваются ли за товары звонкой монетой или ассигнациями, упрятывание звонкой монеты в ценности, различные формы дискредитирования ассигнаций в речах или каким-либо иным образом и, наконец, производство фальшивых ассигнаций. Наиболее выразительными для постановки нашего вопроса являются торговля как различными акциями, так и звонкой монетой, а также упрятывание звонкой монеты и ценностей. Эти преступления мы будем рассматривать в дальнейшем ходе работы.

И здесь, прежде всего, мы должны будем рассмотреть громкое дело по ажиотажу, связанное с именем барона Баца. Этот интриган, искатель темных приключений, смелый, хитрый, изобретательный, руководит одной организацией, которая занималась ажиотажем и была замешана в целом ряде контрреволюционных выступлений. Мы знаем, что эта организация завязала сношения с несколькими депутатами Конвента - Жульеном из Тулузы, Делонэ из Анжера и бывшим капуцином Шабо для того, чтобы свободнее можно было спекулировать акциями Индийской компании. Эта спекуляция сводилась к тому, чтобы заставить при помощи хищнических махинаций упасть акции до 650 ливров, скупить в возможно большем количестве по этой цене, а затем успокаивающими приемами поднять их цену до 4000-5000 ливров. Но барон Бац и его сообщники были повинны еще в целом ряде дел. Он обвинялся в том, что пытался освободить Людовика XVI, когда его везли на казнь. С целой компанией он был на бульваре, через который должна была проезжать повозка Людовика XVI, и крикнул: «А мы те, которые хотим спасти короля». Ему инкриминировалось также составление плана освобождения семьи короля из-под ареста, сношения с Питтом с контрреволюционными областями и городами: Вандеей, Тулоном, Лионом, Марселем и т.д., а также целый ряд попыток всякими махинациями уничтожить республику и Конвент. Комитет Общественного Спасения и общественной безопасности объявил его вне закона, объявил, что за его выдачу он дает определенное вознаграждение, что он будет беспощадно расправляться со всеми теми, кто знает, где он находится, но скрывает это от властей. Все было тщетно. Барон Бац насмеялся над бдительностью полиции. Все знали, что барон Бац жил в Париже. Знали великолепно, где он был, куда он должен был придти, но никогда не знали, где он находится в настоящий момент.

Но, наконец, удалось выследить и открыть его сообщников и помощников во всех его делах. Бац возглавлял обширнейшую организацию, в состав которой входили и бывшие графы, маркизы, английские банкиры, представители артистического мира Парижа. Так, например, ближайшей соучастницей всех дел барона Баца была певица итальянской оперы г-жа Грандмезон. Он содержал агентов всюду: в парижских секциях, в Коммуне, в приморских портах, в пограничных крепостях, в тюрьмах (Л.Б., X., стр.236). Удалось открыть и остальных его деятельных помощников. Все свои дела он проделывал при деятельном пособничестве маркиза де ла Гиш, скрывавшегося под фамилией Савиньона, чиновника Национального Казначейства Дево, его ближайшего секретаря, а также при помощи некоего Кортэ, торговца овощами в секции Лепелетье, и др. (см. список всех обвиняемых - Wall, IV, стр.256). Допрос и обвинительный акт дают много улик против Кортэ. Кортэ очень часто бывал в Шаронне, принимал участие в азартных играх, которые там производились, был деятельным организатором всех его дел. Барон Бац проживал часто у некоего Русселя, по выражению обвинительного акта, жившего на свои средства на улице Гельветиус или у того же бакалейщика Кортэ на улице де Луа, или на даче Эрмитаж в Шаронне, принадлежавшей актрисе Грандмезон. Эта дача была центральным местом совещания всей организации. 30 сентября 1793 г комитет секции Лепелетье пытался его задержать. Сделали обыск у Кортэ, там его не нашли, но Кортэ задержали; сделали обыск в Шаронне и убедились в том, что барон только что оттуда исчез. Слуга задержал комиссаров и полицейских агентов на 10 минут, и когда они вошли, барона Баца уже не было. Комиссар опросил садовника Робло, кухарку Ролле, хозяйку Грандмезон, кроме того, гостей маркиза Гише, Мариньона, старого актера итальянской оперы, а также литератора Сартжа. Все знали барона Баца, все его видели в Шаронне, он проводил здесь от 8-14 дней, но в этот день как раз его никто не видел Секция Лепелетье целый ряд из вышеупомянутых лиц подвергла аресту, часть оставалась под домашним арестом, потом засадили и последних в тюрьму. Так было создано дело сообщников барона Баца (Wall, IV, стр. 256). Мы знаем, что количество его сообщников потом было значительно увеличено. К этому делу были привлечены все его агенты в секции Лепелетье, некий Лафосс, начальник полицейской охраны, несколько полицейских чинов, среди которых бывший живописец Марино, все его агенты в тюрьмах, привлеченных для того, чтобы сорганизовать общение с арестованными. Его сообщником в тюрьмах был некий Эгре, пивовар, Корадес, чиновник, Помье, торговец дровами, купцы, музыканты (Wall, IV, стр.246). Изучение этого процесса, с точки зрения социального состава его участников, - вещь чрезвычайно поучительная. Новые времена, новые нравы. Бароны и маркизы - все самое блестящее из французского общества, общаются с такими *parvenu*, как продавец овощей Кортэ, делают его одним из главных организаторов всех своих дел, не гнушаются и пивоваром и мелкими торговцами; и сам овощник Кортэ не прочь, в подспорье к своему основному делу, заняться совсем пустячком, а именно - принять активное участие в самом крупном ажиотаже данной эпохи, в самой крупной организации, раскинувшей сети по всей Франции. Здесь мы наблюдаем трогательное единение разнородных социальных элементов, даже если мы рассмотрим только ближайших сотрудников Баца. Здесь представители старой знати, представители литературной и артистической богемы, чиновники, мелкая буржуазия, одним словом, эта крупнейшая организация, занявшаяся ажиотажем, вобрала в себя представителей всех слоев Франции, перемешала и перепутала все социальные различия; овощного торговца сделала биржевиком, представителя мелкой буржуазии сделала владельцем крупных капиталов.

Не менее показательны все дела по продаже звонкой монеты, ассигнаций с королевским изображением, преступления по укрывательству звонкой монеты и ценностей и тому подобное. Рассмотрим наиболее типичные из всех этих дел. Прежде всего обвиняемые в этого сорта делах выступают небольшими организациями. Дело такой небольшой организации рассматривается 22 февраля. 2 брата Климент и Николай Манжен и Гильюм Жантель обвиняются в продаже звонкой монеты. Их застали на месте преступления, когда они вытаскивали мешок с деньгами. Они оправдываются и говорят, что они желали свою звонкую монету обменять на ассигнации, боясь домашнего обыска и ответственности. Но это слабое оправдание. Декрет о запрещении продажи звонкой монеты был издан еще в апреле, непонятно почему они за целый год не успели избавиться от запрещенной монеты. Революционный Трибунал осудил 2 братьев Манжен и оправдал Гильюма Жантеля (Wall, II, стр.513). Но пример 2 братьев не устрасил Жантеля. Он опять продолжает заниматься, продажей денег. Накрывается опять, его дело разбирается 8-го апреля, и на этот раз он был осужден Революционным Трибуналом (Wall, III т., стр.471). Но это все же небольшая организация лиц, социальное происхождение которых трудно выяснить на основании журнала Революционного Трибунала. В дальнейшем выступают более крупные процессы по количеству участников. Кроме того социальная физиономия их значительно яснее. Интересное дело рассматривается 17-го апреля. На скамье подсудимых лица, обвиняющиеся в скупке золота и переправке их неприятелю. Их всего пятеро лиц, самых разнообразных профессий. Двое из них полотеры, Мерлин и Симилл, один торговец полотном, некий Анри, один пирожник и один торговец вином - все они обвиняются в том, что они купили 400 золотых монет по 24 ливра каждая для переправки неприятелю. Полотеры, пирожники, торговцы-все занимаются делом, чрезвычайно далеким от своей профессии, - скупкой золота в довольно большом для военного времени количестве - и переправляют его к неприятелю (Wall, III, стр.474). Нередко в этой махинации участвуют и женщины. 25-го апреля Революционный Трибунал присуждает к 4-летнему, тюремному заключению 3-х женщин за продажу и покупку звонкой монеты (Wall, III, стр.480). 26 июня обвиняются в скупке золотой монеты 12 человек, из которых 2-е слуг, 2-е старьевщиков, 2-е продавцов вина, один комиссионер, один рабочий по выработке изделий из китового уса, один продавец книг, один бакалейный торговец, двое купцов (*negociant*). Все они обвиняются в скупке серебряных и золотых монет и переправке их эмигрантам. Факт сношения с эмигрантами не был установлен, их судят за скупку монет. Одному из них, слуге Малле Конте, задают такой вопрос: Покупали ли вы монеты стоимостью в 200 луи и не платили ли вы за них 5900 ливров ассигнациями? Обвиняемый не сознается в своей вине. Революционный Трибунал осуждает всю группу

людей и присуждает их к смертной казни (Wall, IV, стр.331 и 517). К сожалению чрезвычайно неполный материал допроса, приведенный у Валлона, не дает нам возможности более отчетливо выяснить себе характер обвинения и их доказательность, но само по себе это дело чрезвычайно характерно. Здесь участвует, конечно, мелкота, но для этой мелкоты их профессия уже является мало показательной. Все эти мелкие торговцы, слуги, рабочие, далекие от своих основных дел, ищут легкой наживы, все они втянуты в игру на неустойчивость финансового аппарата страны и все легко и просто наживают довольно большие состояния.

Мы их скоро встретим в числе лиц, зарывающих довольно большие капиталы в землю, ссужающих деньги в заем в довольно больших суммах и т.д. 1 июня 1794 г. разбирается дело целого ряда лиц, обвиняющихся в зарытии в землю довольно большой суммы денег. В числе обвиняемых следующие лица. Это бухгалтер, счетовод, агент меняльной конторы, продавец ткани и его приказчик. Обвиняется в сущности бухгалтер в том, что он зарыл в землю большую сумму денег, остальные были его сообщниками. Бухгалтер зарыл в землю 12 миллионов ливров. Откуда он их взял? Очевидно, это не остаток от жалования, он их нажил какими-нибудь махинациями, в роде выше упомянутой торговли деньгами (Wall, IV, стр.471).

Какая-то неизвестная женщина зарывает в погреб большое количество звонкой монеты, серебра различных акций (Wall, IV, стр.499). Парикмахер оказывается крупным кредитором. Он. дает займы около 7 тысяч ливров и кроме того у него еще остается 6 тысяч ливров про запас (Wall, IV, стр. 460).

Какой вывод напрашивается на основании рассмотрения всего этого материала? Революционный Трибунал в данном случае боролся уже не с мелкотой. Большинство лиц, дела которых мы рассмотрели, больше по названию своему - мелкота. По названию, это - мелкие торговцы разных типов и рангов, ремесленники, прислуга, но по своему материальному положению эти группы далеко уже отошли и переросли свою социальную сущность. За 5 лет революции этот слой мелкой буржуазии и городской бедноты подвергся значительному перерождению и видоизменению. Многие из них, вытолкнутые революцией из обычных, привычных для них условий жизни, привычных занятий, не сумевшие быстро приспособиться к какому-либо производительному труду, направили свою энергию на непроизводительные занятия и, подталкиваемые жадной наживы, начинают спекулировать на неустойчивой денежной валюте, на скупке золота и серебра.

Очень многие остались только по названию в пределах своих обычных занятий и профессий. Увлеченные общим стремлением скорого и легкого обогащения они так же оказываются в числе принимающих участие в скупке и продаже звонкой монеты, ассигнаций с королевскими изображениями, а также переправкой звонких денег эмигрантам. А некоторым счастливицам удается заняться и более крупными делами, сделаться пайщиками и активными участниками крупного ажиотажа, каким, например, было дело, возглавляемое бароном Бацом. Таким был продавец овощей секции Лепелетье, известный уже нам Корте. Такую же картину, если еще не более выразительную, дают нам все дела о различных поставках на армию, которые мы и подвергнем детальному рассмотрению. Перед нами проходит целая галерея недобросовестных подрядчиков всякого рода военного снаряжения, провианта, фуража, а также целая армия подрядчиков обуви. Фураж и овес оказываются подмоченными, значительно в меньшем количестве, чем полагается, сапоги оказываются камышевыми, никуда не годными, в меньшем количестве, чем это официально показывается. Революционный Трибунал беспощадно расправляется со всей этой армией людей, приравнивая преступление недобросовестной поставки к контрреволюции и государственной измене. Обратимся к делам Революционного Трибунала. Рассмотрим целый ряд дел по подрядам и поставкам обуви.

2 декабря рассматривается дело по недобросовестной поставке обуви. На скамье подсудимых подрядчик и его сподручник - башмачник. Оба обвиняются в том, что они доставляют на армию плохие сапоги, и оба присуждаются к смертной казни (Wall, II, стр.162). 22 декабря новое дело по поставке обуви в армию. На скамье подсудимых сапожник, подрядчик на республиканскую армию. Но у него уже целая мастерская с определенным количеством рабочих. Один рабочий доносит на своего хозяина, что он доставляет армии плохие сапоги. Подрядчик попадает под суд и присуждается к смертной казни (Wall, II, стр.480).

23 февраля к суду были притянуты 11 лиц, обвинявшиеся в недобросовестной поставке обуви на армию. Вся эта партия была оправдана, но для нас это дело чрезвычайно важно, ибо оно показывает, какие социальные элементы начинают заниматься поставками обуви на армию. Из 11 лиц 8 сапожников, 1 мануфактурный торговец, 1 торговец драпом, 1 бакалейный торговец, 1 торговец легкими напитками (лимонадом). Все они начинают поставлять армии сапоги, участвуют в различных подрядах (Emil Campardon. «Le tribunal revolutionnaire de Paris», т. I, стр.231). 14 апреля рассматривается дело уже однажды упоминавшегося нами Мориссе, судьи трибунала в Монторги, и некоего Боссю, шапочника. Баллон спрашивает, каким образом судья и шапочник могли быть замешаны в это дело? Очевидно, полагает Валлон, подрядом сапог заниматься было выгоднее, чем производством шапок. И жажда наживы толкнула и того и другого на это дело. Судья давал деньги под проценты, а шапочник поставлял сапоги; в результате сапоги оказываются плохими, и Революционный Трибунал присуждает обоих к смертной казни (Wall, III, стр.228).

17 мая судятся 2 пайщика по одному подряду - некий сапожник Лабортю и его товарищ по поставке. В результате работы двух пайщиков сапоги оказались с изъяном. Они оправдываются, что они произвели такую массовую доставку сапог, это этот изъян не имеет значения. Но трибунал не принял во внимание их оправдания и присуждает их к смертной казни (Wall, III, стр.494).

13 июня рассматривается дело одного портупейного мастера, который также решил заняться поставкой сапог на армию и привлекается за недобросовестность поставки. Он оправдывается, говорит, что количество плохих сапог чрезвычайно невелико, всего - 60 штук на 8 или 10 тысяч. Но это уже было такое время, когда никакие оправдания не принимались во внимание. Злополучный портупейный мастер был присужден к смертной казни (Wall, IV, стр.490).

И, наконец, 24 июня рассматривается дело целой организации поставщиков обуви. Жак Тисболь, комиссар полиции, уполномоченный по снабжению, Жан Боликур, чиновник по сбору пороха и селитры, и Клод Перре, сапожник. Тисболь отдавал приказания, Жан Боликур был посредником, Перре исполнителем, и в результате сапоги оказались плохими. Кто виноват? Каждый приводит что-либо в свое оправдание Перро говорит, что он еще не все сделал. Боликур полагал, что все обстоит благополучно. Тисболь знал, что были плохие сапоги, и в свое время докладывал об этом. Последний был оправдан. Все же остальные были осуждены (Wall, IV, стр.509).

Не будем фактами загромождать изложения. Картина довольно ясна и выразительна. Подряды всех свели с ума. Кто только не втянут в это дело? И судьи, и портупейный мастер, и бакалейщик, и шапочник, и мануфактурный торговец, и целая армия сапожников - все поставляют сапоги на армию, и большинство проворовывается. И социальная физиономия этих людей также представляется довольно ясной. Оставаясь мелкотой по названию (сапожник, бакалейщик, шапочник), это уже далеко не мелкота. Это все большею частью подрядчики, производящие массовую поставку сапог, организующие целые компании по поставке, иногда с участием посредников, имеющих мастерские с рабочими и т.д. И мы знаем по опыту нашей войны и революции, с какой быстротой на этих поставках наживают колоссальное состояние, Вчерашний бедняк сегодня оказывается богачей. Точно такая же картина в доставке фуража. Провиантмейстеры проворовываются, необходимый фураж не доставляется, ставятся большие количества израсходованного фуража, а остатки продаются в пользу заинтересованных лиц, различных военных чиновников и т.д.

11 июля провиантмейстер судится за недоставку должного количества продовольствия для армии (Wall, IV, стр.487). Вместо вина в армию направляется почти что вода (Wall, IV, стр.490). Доставляется недоброкачественное сено (Wall, II, стр.506). Чиновник, ведающий переправой быков в армию, ставит в расход 100 возов сена вместо 50 (Wall, IV, стр.162). Доставкой фуража начинают заниматься лица, никакого отношения к фуражу не имеющие. 28 апреля судятся за недобросовестную поставку фуража двое рабочих - один ткач, другой сапожник (Wall, III, стр.482).

Та же недобросовестность и воровство наблюдаются в деле доставки орудий, лошадей, экипажей. 17 декабря судится некий Верле за недобросовестную поставку обоза и лошадей. По удостоверению свидетелей не было доставлено достаточное количество фуража, а кроме того вместо 1022 указанных лошадей было доставлено только 887 лошадей (Wall, II, стр.488).

21-го февраля судится военный комиссар за недоставку лошадей, для республиканской артиллерии (Wall, т. II, стр.610). Орудия, доставленные в армию, оказываются непригодными для стрельбы, вследствие недобросовестности поставщиков. 24-го января судится некий Каррет за доставку плохих пушечных лафетов. Доставка провианта в армию затрудняется вследствие того, что обычные экипажи не действуют. А не действуют они потому, что их в армию доставляют никуда не годными. 11-го июня один такой недобросовестный поставщик экипажей попадает на скамью подсудимых. Он судится за то, что он доставлял экипажи с плохими колесами. Таких фактов очень много зафиксировано в делах Революционного Трибунала.

Рассмотрение дел Революционного Трибунала за вторую половину его существования (все факты взяты, главным образом, начиная с декабря 93 года по июль 94 года), касающихся, главным образом, мелкоты, убедило нас в том: 1) что довольно большое количество дел Революционного Трибунала касается мелкоты, по своим социальным корням, тесно связанной со старым строем и действительно проявляющей необычайную роялистичность и реакционность (таков многочисленный слой господской прислуги; 2) очень большое количество дел Революционного Трибунала касается мелкоты, которая уже давно не мелкота а определенный слой крупной буржуазии, вышедший из несостоятельных элементов, но на поставках, на ажиотаже успевший создать себе большие состояния.

Этот вывод делается очевидным из анализа имеющегося у нас материала. Революционный Трибунал, главным образом, борется с новой буржуазией, окрепшей в процессе революции.

Этим мы и заканчиваем рассмотрение социального состава осужденных Революционным Трибуналом.

Нам еще остается сделать несколько замечаний по вопросу о руководящих принципах революционного суда при определении наказания.

При рассмотрении протоколов Революционного Трибунала, естественно возникает вопрос о принципах его деятельности и, в первую очередь, о наличии классового принципа в судопроизводстве революционного суда. В самом деле, принималось ли во внимание социальное происхождение обвиняемого при определении наказания или этот принцип не является руководящим в деятельности революционного суда? Не вдаваясь в большие детали, можно положительно утверждать, что дворянское происхождение и знатность играли решающую роль в судьбе обвиняемых. Знатные люди за малейшее преступление отправлялись на гильотину. Был ли революционный суд более милостив по отношению к ремесленникам, рабочим и т.д.? Не смягчалось ли наказание только в зависимости от социального происхождения этих лиц?

К сожалению, имеющиеся у нас протоколы Революционного Трибунала не дают нам конкретного материала по данному вопросу. Но некоторые декреты Конвента определяют руководящие принципы в деятельности революционного суда и других органов революционного правительства. И эти декреты дают санкцию революционному суду смягчать наказания, если обвиняемые ремесленники или рабочие.

С этой точки зрения любопытен декрет, изданный Конвентом 9-го июля 94 года, любопытны также все обоснования этого декрета.

9-го июля Конвент постановляет временное освобождение тех или иных подозреваемых, которые живут в деревнях, местечках и общинах, где число жителей не более тысячи двухсот человек, и принадлежат к классу земледельцев, поденщиков, жнецов, пивоваров и ремесленников. Исключение составляли только те, которые были заключены, как соучастники в преступлении государственной измены (Мои., XXI, № 293, стр. 184). Докладчиком по поводу этого декрета от имени Комитета Общественного Спасения и общественной безопасности выступает Вадье и произносит речь, в которой восхваляет доблести этих людей: «Дело идет здесь о людях, - говорит Вадье, - которые обладают республиканскими добродетелями, терпением, любовью к труду и которые введены в заблуждение аристократами, фанатиками, искателями мест... Народ всегда прав», - заключает Вадье.

Далее он определяет точно, кого он считает необходимым подвергнуть освобождению.

«Мы хотим освободить хлебопашцев, рабочих физического труда, руки которых покрыты мозолями, тех, которые обрабатывают сами землю и открывают нам ее сокровища, и, наконец, тех, за счастье которых мы должны пролить последнюю каплю крови. Конечно, мы думаем, что освобождению не должны подлежать люди, запятнавшие себя преступлениями государственной измены. Нужно исключить также тех, которые оказались способными на постыдное предательство, покровительствовали эмиграции, сдавали французские территории неприятелю».

Далее он указывает на то благодетельное значение, которое будет иметь отпуск на свободу всех этих лиц. «Есть очень много коммун, в которых есть арестованные граждане, но население этих коммун не превышает 500 человек. Большое количество этих граждан сможет возвратиться к обработке своих полей» (Мои., XXI, № 293, стр.183).

Провинциальная администрация, говорит далее Вадье, не всегда с достаточным основанием направляет арестованных в Революционный Трибунал. Необходимо, чтобы Комитет Общественного Спасения и Общественной Безопасности контролировал действия администрации и в случае, если аресты производились без достаточных оснований, освобождал бы потерпевших. Он предлагает декрет, который в последней редакции гласит следующее:

1) Земледельцы, поденщики, жнецы, ремесленники и мастеровые деревень, городов, общин, население которых ниже 1200 жителей и которые задержаны, как заподозренные, будут временно освобождены, с момента вступления в силу декрета.

2) Освобождению не подлежат те, которые обвинялись в вооруженных действиях против республики, а также те, кто способствовал вступлению врагов на территорию и обвиняется в государственной измене. Далее декрет указывает, что конвентским комитетам разрешается освобождать преступников, преданных революционному суду местной администрацией (Мои., XXI, № 293, стр.184). Данное постановление в высшей степени любопытно. Оно показывает, что в вопросах о наказании, социальное происхождение принималось во внимание: целые группы лиц освобождаются только на основании социального принципа.

Интересна также та позиция, которую занял в этом вопросе Робеспьер, В тот же день, когда был издан вышеупомянутый декрет, Робеспьер произносит речь в Якобинском клубе, в которой он отмечает неправильность некоторых арестов, Революционное правительство, говорит Робеспьер, издало, весьма благодетельный декрет, поставивший на очередь дня трезвость и добродетель. Но что же делают люди, надевшие на себя маску патриотизма. Они оставляют, на свободе аристократов и арестовывают бедных граждан. Такое истолкование декрета только способствует проискам аристократии. Так революционные комитеты, призванные для того, чтобы бороться с аристократией, нередко арестовывают бедных ремесленников, добрых граждан, повинных только в том, что они в праздничный день выпили лишнее. Несомненно, пьянство болезнь, от которой нужно лечить людей, но тем не менее как преступна деятельность лже-патриотов, которые проявляют такую нетерпимость к народу и вместе с тем благосклонны к аристократам. И он требует освобождения ремесленников, арестованных за пьянство (Мои., XXI, № 300, стр.239).

И декрет и выступление Робеспьера в защиту ремесленников показывают; что и Конвент в целом и также видные вожди революции стремились смягчить наказания, когда шел вопрос о мелкоте, о ремесленниках и рабочих. И данные факты только подтверждают выводы, сделанные на основании исследования протоколов Революционного Трибунала. Утверждения исследователей, говорящих, что Революционный Трибунал разил в эпоху революционного правительства, главным образом, мелкоту, противоречит как принципиальной постановке этого вопроса в Конвенте, так и практическому разрешению его в революционном суде. Как видел читатель, из многих разобранных дел революционного суда последний под видом мелкоты чаще всего разил крупную буржуазию. Что же касается принципиального разрешения вопроса в Конвенте, то последний является скорее защитником обвиняемой мелкоты, чем грозным карателем ее.

В настоящей работе была сделана попытка рассмотреть террор в процессе нарастания и усложнения революционной борьбы. Каждый новый этап выдвигал и новые опасности для диктатуры мелкой буржуазии. Новые опасности вызывали еще большее усиление террора. Вначале власть мелкой буржуазии энергично борется с нашествием европейской коалиции и с контрреволюцией внутри страны Стихийно, отбиваясь от этих опасностей, она применяет террор. Но в дальнейшем террор делается осознанным методом борьбы, применяемым при каждой новой угрозе ее существованию. Революционная борьба осложняется вследствие продовольственных затруднений, усиливается террористическая политика власти. Начинаются выступления враждебных фракций, и здесь диктатура применяет террор. Наконец, террор сделался самым решительным средством борьбы, с растущими врагами диктатуры в эпоху ее агонии, когда диктатура в терроре видит единственное средство для своего спасения.

Но в этой же работе была сделана попытка показать, что террор определялся той социально-экономической обстановкой, в которой пришлось действовать диктатуре мелкой буржуазии, выросшей на грани дворянской монархии и буржуазной республики и принужденной бороться как с феодальной знатью, так и с крупной буржуазией, со старой, и с новой, народившейся уже в эпоху революции.

Примечания

Для этой работы в качестве источника был использован «Rempression be l'ancien Moniteur» XV-XX томы, в ссылках Mon. и соответствующая римская цифра. В качестве пособий:

Wallon, "Histoire du tribunal revolutionnaire de Paris", I-IV, 1880 - в ссылках Wall, и соответствующий том.

Wallon. Ge terreur, I-II том, 1881.

Campardon, "Le tribunal revaluationnaire de Paris". I-II том, 1868.

Mautoucqet, "Le douvernement reyplutipnaire", 1912.

Mellie. "Ges sections de Paris", 1898, в ссылках Mellie.

Луи Блан, "История французской революции. Изд. 1918 г.

Олар, "Политическая история французской революции". Изд. 1918.

Олар, "Теория насилия и французская революция". Русское книгоиздательство.

Кунов, "Борьба классов и партий", изд. 1919 г. Я. Поволоцкий и К°, Париж 1924 г.

Лукин Н. М., "Из истории революционных армий", 1923 г.

Боровой, "История личной свободы во Францин", 1910 г. и некоторые другие, указанные в сносках под текстом.

*) Все материалы для данной статьи взяты из протоколов Конвента, помещенных в Moniteur'e.

**) При изучения вопроса о социальной составе мы пользовались, главным образом, трудами Wallona "Histoire du tribunal revolutionnaire", 1-4 том, и отчасти Campardon Le tribunal revolut., 1-2 том. И Валлон и Кампардон пользуются материалами архивов Национального Музея, делами Революционного Трибунала такими, как обвинительные акты, протоколами допроса обвиняемых и свидетелей и приговорами суда. В конце каждого тома в качестве приложения публикуется журнал Революционного Трибунала, который перечисляет все дела, решенные в Трибунале в тот или иной день, краткое содержание дела и приговор революционного суда. Валлон добросовестный собиратель всего этого материала. Его четыре тома очень подробно отражают жизнь Трибунала, в этом смысле. Валлон - чрезвычайно ценное пособие. Правда, он мало объективен в той смысле, что очень часто проскальзывает его чрезвычайно резкое отрицательное отношение к форме судопроизводства Трибунала, но у нас все же нет основания предполагать, что он искажает находящийся у него документальный, материал настолько, чтобы им нельзя было пользоваться. Пользоваться им можно, если принять в соображение то обстоятельство, что мы не собираемся производить детальные исследования о социальном составе осужденных (это весьма благодарная задача, но задача особой статьи), а, хотим только высказать несколько соображений и наблюдений, которые напрашиваются при изучении данного материала.

***) Последнее Луи Блан высказывает на страницах своей истории французской революции, том XI, стр.125. О том же см. Боровой «История личной свободы по Франции», т.I, ч.2-я, стр.105. На беспощадность судей в дело присуждения наказания независимо от социального происхождения обвиняемого указывает и Тарле в редактируемом им сборнике документов «Революционный Трибунал в эпоху великой французской революции», т.I, стр.122, т.II, стр.3 и след.